

Сергий (Ляпидевский), митр. Московский. Происхождение пастырского служения и его необходимость: [Из лекций по пастырскому богословию] // Богословский вестник 1900. Т. 2. № 8. С. 507—549 (2-я пагин.). (Начало.)

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПАСТЫРСКАГО СЛУЖЕНИЯ И ЕГО НЕОБХОДИМОСТЬ ¹⁾.

Откуда ведетъ начало служеніе пастырское?

Выпкая въ жизнь обществъ, которыя не хотятъ признавать въ священствѣ особеннаго Богоучрежденнаго званія, мы находимъ однакоже, что и они не остаются безъ всякаго начальства и властительства. Они въ гражданскомъ управленіи подчиняють себя какой нибудь власти, которой требованія и законы они свято исполняютъ. Если бы случилось спросить челоуѣка болѣе благоразумнаго изъ такого общества: для чего они допускають власть гражданскую и откуда она ведетъ свое начало,—онъ бы не усумнился согласиться, что безъ власти общество не можетъ жить, что общества самыя грубыя и нецивилизованныя всегда подчи-

¹⁾ *Отъ редакціи.*—Приступая съ настоящей статьи къ общанному въ условіяхъ подписки печатанію лекцій по пастырскому Богословію Высокопреосвященнаго Сергія, Митрополита Московскаго († 1898 г. 11 февр.), редакція Богосл. Вѣстн. считаегъ нужнымъ сдѣлать о нихъ предварительно нѣсколько замѣчаній.—Предлагаемыя вниманію читателей лекціи представляютъ собой плодъ *тринадцатилѣтнихъ занятій* почившаго іерарха пастырскимъ богословіемъ въ бытность его профессоромъ этой науки въ Московской Академіи въ 1844—1857 гг. Рукопись, по которой будетъ производиться печатаніе, доставлена въ редакцію наследниками Высокопр. Сергія и написана *рукою самого автора*, необыкновенно мелкимъ и четкимъ почеркомъ, безъ всякихъ поправокъ и дополненій,—такъ, какъ переписываются работы, достигшія окончательнаго завершенія. Отсюда можно заключить, что рукопись, имѣющаяся въ распоряженіи редакціи, передаетъ лекціи Высокопреосв. Сергія въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ читались уже въ послѣдніе годы его профессорства. Съ несомнѣнностью

нены какой нибудь власти, — а отселѣ не далека переходъ и къ этой оправданной вѣками мысли апостольской, что „*нѣсть власти, аще не отъ Бога*“. Если же никакое общество не можетъ жить безъ власти гражданской, то мы съ своей стороны замѣтимъ, что во всякомъ обществѣ гражданскомъ есть по крайней мѣрѣ какой-нибудь видъ власти духовной и званія пастырскаго. Дабы видѣть справедливость нашего замѣчанія, обратимся къ жизни обществъ самыхъ грубыхъ и скудныхъ успѣхами религіознаго просвѣщенія. Нѣтъ сомнѣнія, что ища у нихъ слѣдовъ званія пастырскаго, мы принимаемъ это званіе не въ томъ возвышенномъ смыслѣ, въ какомъ оно представляется въ истинной церкви Божіей на землѣ, но въ начальныхъ и общихъ чертахъ его. Во всякомъ народѣ мы найдемъ и жрецовъ, которыхъ главною обязанностію было принесеніе жертвъ Божеству или очистительныхъ для успокоенія совѣсти грѣшниковъ, или благодарственныхъ за благосостояніе общества. Что такое были сѣверные Друиды, восточные Брахманы и Египетскіе жрецы, какъ не посредники между людьми и Божествомъ? Пусть ихъ посредничество было только мнимое и бесполезное; но ихъ намѣреніе было доброе и ихъ дѣйствія имѣли основаніе глубокое. Если правда, что во всякомъ заблужденіи есть отблескъ истины, то нельзя оставлять безъ вниманія повсюднаго появленія такихъ людей, которымъ ввѣряемы

въ этомъ убѣждаетъ сравненіе лекцій съ извѣстными редакціи записями одного изъ учениковъ Высокопр. Сергія, слушавшаго его лекціи въ 1853—54 гг.: записи оказываются вполне отвѣчающими содержанию имѣющихся лекцій.

Какъ плодъ долговременныхъ занятій, лекціи Высокопр. Сергія по пастырскому богословію обладаютъ многими крупными достоинствами и должны занять почетное мѣсто въ ряду другихъ пастырологическихъ трудовъ, существующихъ въ нашей литературѣ. Лица, посвятившія себя пастырскому служенію или готовящіяся къ прохожденію такового, найдутъ въ нихъ много поучительнаго для себя и полезнаго.

Печататься будутъ лекціи въ видѣ отдѣльныхъ трактатовъ, относящихся къ разнымъ сторонамъ пастырства, при чемъ каждый изъ трактатовъ представитъ въ себѣ самостоятельный и законченный интересъ. По впечатаніи въ журналѣ лекцій будутъ изданы редакціей особой книгой подъ заглавіемъ: „О пастырскомъ служеніи. (Изъ лекцій по пастырскому Богословію Высокопреосвященнаго Сергія, Митрополита Московскаго, читанныхъ имъ въ Московской духовной Академіи въ 1844—1857 гг.)“.

были тайны религіи, хотя бы даже самой грубой и погрѣшительно составленной. Не ученіе и дѣйствія этихъ представителей религіи важны для насъ, но то, что повсюду признаваема была необходимость подобнаго рода людей въ обществѣ. Родъ человѣческій, раздѣленный странами и вѣками, не смотря на глубину своего поврежденія, сохранилъ ту благотворную увѣренность, что для него необходимы посредники между нимъ и Божествомъ,—и всегда за лучшее почиталъ предаваться водительству вождей слѣпыхъ, нежели совсѣмъ оставаться безъ вождей. Разсматривая съ усиленнымъ вниманіемъ это явленіе въ жизни человѣчества, мы можемъ замѣтить, что здѣсь весьма много значить вѣра въ бытіе Божіе. Только тамъ пастыри не могутъ существовать, гдѣ нѣтъ вѣры въ Бога; но гдѣ исповѣдуютъ бытіе Божіе, тамъ невольно и естественно подчиняютъ себя какимъ нибудь пастырямъ, наставникамъ, жрецамъ. Внутренній переходъ отъ вѣры въ Божество къ подчиненію духовнымъ властителямъ такой: кто вѣруетъ въ бытіе Бога, тотъ ищетъ средства приблизиться къ Нему. Когда большинство членовъ въ обществѣ не находятъ въ себѣ къ сему средства, то взоры и ожиданія всѣхъ обращаются къ тѣмъ лицамъ, которыя или превосходятъ другихъ внутренними дарованіями души, или привлекаютъ къ себѣ вниманіе другихъ знаменательною таинственностію своего поведенія. На этомъ именно основывался успѣхъ всѣхъ лжепроповѣдниковъ и основателей религіи: они понимали врожденное желаніе въ народѣ видѣть въ комъ нибудь своего путеводаителя къ Божеству, а своими дѣйствіями и словами хотѣли доказать свою близость къ Божеству. Сколь тѣсную имѣютъ между собою связь вѣра въ бытіе Божіе и желаніе имѣть предстателей предъ Божествомъ, это видно изъ указанія Ап. Павла на Аѳинскихъ язычниковъ, которые лучше восхотѣли создать храмъ и учредить жрецовъ „Незѣдомою Богу“, не зная Его, нежели остаться безъ всякаго наружнаго, хотя и мнимаго, общенія съ Нимъ. Когда мы обращаемъ вниманіе на всеобщность вѣры въ Божество, не обинуясь признаемъ, что понятіе о Богѣ вложено въ природу человѣческую Самимъ Творцомъ. Но когда замѣчаемъ, что вездѣ, гдѣ господствуетъ вѣра въ Божество, есть нѣкоторое подобіе пастырства, ужели должны думать и говорить, что

идея пастырскаго служенія чужда природѣ человѣка и далека отъ намѣренія Промысла? Даже тѣ общества, которыя думаютъ испровергнуть священство, не совсѣмъ остаются безъ началъ, положенныхъ въ основаніе этого служенія, а только дѣло Божіе хотятъ подчинить произволу человѣческому: въ подобныхъ обществахъ не священство собственно изгоняется, а обнаруживается въ каждомъ членѣ незаконное желаніе присвоить себѣ права и преимущества сего служенія.

Какъ вообще сквозь мракъ языческихъ заблужденій просіявалъ иногда свѣтъ истиннаго преданія; такъ и въ частности повсюдное проявленіе, хотя иногда искаженное, служенія пастырскаго позволяетъ предполагать здѣсь искаженіе истиннаго, Богомъ утвержденнаго учрежденія. Исторія Церкви Божіей на землѣ вполне оправдываетъ такое предположеніе. Еще тогда, когда Церковь заключалась въ лицѣ двухъ первыхъ человѣковъ, служеніе пастырское имѣло мѣсто и силу. Можно сказать, что понятіе сего служенія положено было въ основаніе первобытной церкви, равно какъ и послѣдующей. Въ этомъ не трудно увѣриться, какъ скоро замѣтимъ, что первоначально идею пастыря Самъ Богъ благоволилъ проявить въ Себѣ Самомъ. Хожденіе Бога въ раю что другое означаетъ, какъ не Его пастырское попеченіе о человѣкѣ, этой разумной пажити, изъ которой впоследствии должна была возникнуть цѣлая вселенская Церковь? Создавши человѣка по образу Своему, Онъ напечатлѣлъ въ душѣ его и тотъ образъ пастырства, который въ высшей степени принадлежалъ Ему Самому. Не безъ намѣренія Богъ поставилъ человѣка обладать всею землею. Чрезъ сіе, между прочимъ, утвердилъ Богъ въ природѣ человѣческой согласіе низшихъ тварей и союзъ ихъ съ Самимъ Собою. Всѣ твари видимыя, какъ и всѣ прочія, работны Богу и должны приносить Ему служеніе благоговѣнія и жертвы благодарности. Но поелику служеніе ихъ не восходитъ выше чувственнаго, то человѣкѣ, по требованіямъ своей разумной природы, долженъ былъ содѣлаться ихъ священникомъ, дабы въ своихъ разумныхъ мысляхъ, чувствованіяхъ и дѣйствіяхъ вознести благодарственное и хвалебное служеніе безсловесной природы до престола Всевышняго. При размноженіи членовъ первобытной Церкви, самая об-

стоятельства паденія рода человѣческаго потребовали новыхъ видовъ служенія пастырскаго. Когда возвѣщено было первоевангеліе о великой Жертвѣ за грѣхи міра, Самъ Богъ, дабы съ одной стороны поддержать въ родѣ человѣческомъ вѣру въ искупительную жертву, съ другой—дабы доставить падшимъ дѣйствительнѣйшее утѣшеніе, благоволилъ утвердить жертвы прообразовательныя, явивши въ нихъ Агнца, закланнаго отъ сложенія міра. Поелику этими жертвами прообразованъ былъ Первородный предъ всею тварію, Святѣйшій Сынъ Божій; то и прилично было, чтобы приносители жертвъ были первородные изъ семействъ или превосходившіе другихъ чистотою жизни. Съ другой стороны, какъ скоро грѣхи болѣе и болѣе стали обнаруживаться въ жизни рода человѣческаго, Богъ, отвращая духъ отъ человѣковъ, потому что они сдѣлались плотію, не отвратилъ однакоже милосердія Своего отъ нихъ, и дабы поддержать угасавшій духъ благочестія и священнаго страха, положилъ избирать изъ среды растлѣннаго человѣчества людей старѣйшихъ по возрасту и достойнѣйшихъ по жизни и чрезъ нихъ дѣйствовать на цѣлыя общества. Такимъ образомъ тѣже самыя патріархи, коихъ жертвоприношенія угодны были Богу, соединили въ лицѣ своемъ съ этою частію служенія священническаго и другую часть сего служенія — наставленіе заблуждающихъ въ истинахъ вѣры и благочестія. Св. Ефремъ Сиринъ, указывая на глубокую древность священства, замѣчаетъ: „видишь перваго священника Авеля, при первомъ твореніи міра, и досточтимаго священника Ноя, при второмъ твореніи, Ноя, съ которымъ самъ Богъ установилъ завѣтъ. Также, служенія сего удостоенъ былъ Авраамъ, который, въ сынѣ своемъ, принесъ жертву, прообразовавшую Христа“. Подобно Ефрему и другіе отцы въ древнихъ патріархахъ видятъ священниковъ и пастырей первобытной Церкви, которые созидали Богу жертвенники и призывали имя Господа Іеговы, т. е. устроили и отправляли богослуженіе. Это патріархальное священство продолжалось до Египетскаго переселенія. Но когда стѣмя Авраамово начало умножаться; когда въ семействѣ Іакова явились двѣнадцать родоначальниковъ, коихъ потомки не имѣли одинъ предъ другимъ значительнаго преимущества; то прежній образъ управленія Церковію очевидно сдѣлался недостаточнымъ для соблюденія единства

вѣры; а по сему Богъ благоволилъ ввѣрить сохраненіе Своего завѣта и проповѣдь о Своихъ обѣтованіяхъ Имъ Самимъ избранному колѣну Левіиному. Причиною такого предпочтенія, безъ сомнѣнія, было то, что колѣно Левіиное воздержалось отъ поклоненія золотому тельцу при подножій горы Синайской, что оно было малочисленнѣе другихъ, и что къ нему принадлежали Моисей и Ааронъ, великіе вожди народа, ревностные блюстители нравственной чистоты его и строгіе исполнители божественныхъ повелѣній. Самъ Богъ повелѣлъ привести Моисею Аарона и сыновъ его предъ скинію и посвятить ихъ на священное служеніе. Такимъ образомъ Аарономъ начался рядъ первосвященниковъ, составлявшихъ высшую степень ветхозавѣтнаго священства. Великій Іерей, посвящаемый въ сей санъ обильнымъ изліаніемъ на него священнаго мѣла, хранившагося при скиніи, былъ посредникомъ между Богомъ и народомъ Израильскимъ: его устами возвѣщалась воля Божія; его руками избранный народъ приносилъ жертвы Господу; его молитвами испрашивалъ у Бога милости, искалъ съ Нимъ примиренія. Первосвященникъ имѣлъ право распоряжаться священнодѣйствіями и входить во Святаѣ Святыхъ. На немъ лежала обязанность сохранять цѣлость закона, изъяснять смыслъ его Израильтянамъ, возвѣщать чрезъ священниковъ и левитовъ о переходящихъ праздничныхъ новомѣсячіяхъ, новолѣтіяхъ и юбилеяхъ, сохранять единство въ управленіи народомъ и пеchись о его благосостояніи. По смерти Аарона первосвященство перешло къ старшему сыну его Елеазару и было наслѣдственнымъ въ сей линіи до Іліи, въ лицѣ коего оно сдѣлалось достояніемъ потомковъ Неамара, меньшаго сына Аарона; а въ Садокѣ, чрезъ Соломона, перешло снова въ первую линію и, по свидѣтельству Флавія, оставалось въ ней до плѣненія Вавилонскаго. Послѣ плѣна первосвященство сперва явилось въ фамиліи Елеазара, потомъ при Антиохѣ сдѣлалось предметомъ купли; впослѣдствіи возложено было на Іудейскаго военачальника Іонафана, а потомъ передано народомъ Симону, брату Іонафанову, и оставалось наслѣдственнымъ въ его потомствѣ до того времени, пока Царь Великій и римскіе намѣстники не присвоили себѣ права давать или снимать санъ священства. Впрочемъ, низведенные съ престола первосвященники удерживали свой

титულъ, и при дѣйствительномъ первосвященникѣ всегда находился другой, который могъ въ случаѣ нужды заступитъ его мѣсто. Мы съ намѣреніемъ указываемъ на подробности исторіи преемственного первосвященства Іудейскаго, дабы видѣть, что это важнѣйшее званіе въ В. Завѣтной Церкви, отъ котораго зависѣли прочія степени служенія священническаго, продолжалось непрерывно отъ Аарона до Каіафы. Эта непрерывность служитъ яснымъ признакомъ особеннаго попеченія Божественнаго о существованіи въ Церкви служенія пастырскаго. Попеченіе Промысла въ отношеніи къ пастырству не оставляло народъ Божій и тогда, когда или устройство іерархическое въ своемъ основаніи было потрясемо врагами церкви или другія нужды народа требовали чрезвычайныхъ посланниковъ Божіихъ. Когда Навуходоносоръ разрушилъ храмъ и уничтожилъ іудейское правленіе, учреждена была синагога, которая управляла народомъ и поддерживала древній духъ вѣры и благочестія. Но главными, въ то время, руководителями народа Божія были пророки, которые хотя особеннаго званія не составляли, но по обязанностямъ, какія на нихъ возлагаемы были, принадлежали къ священнымъ лицамъ В. Завѣтной Церкви. Богъ посылалъ ихъ проповѣдывать волю Свою, исполняя ихъ для сего Духомъ Святымъ. Они мужественно противодѣйствовали многобожью и суевѣрью, возводя взоры чувственнаго Израиля къ Богу Единому Истинному. Какъ скоро они замѣчали упадокъ чистой нравственности, тотчасъ исполнялись силою—*еже возыстити Іакову нечестія его и Израилю грѣхи его*. Каждаго беззаконника старались возвратить они на путь истины и спасенія; отъ cadaго члена общества, начиная отъ царя, они требовали строгаго исполненія своихъ обязанностей. Они продолжали дѣло начатое Моисеемъ: устроили внутреннюю и внѣшнюю жизнь Церкви В.—Завѣтной. Ихъ вѣщанія умолкли уже тогда, когда приближалось время къ исполненію того, что составляло сущность ихъ проповѣди, къ явленію новаго Пастыря и Посѣтителя душъ, къ величайшей перемѣнѣ въ жизни всего рода человѣческаго и въ служеніи пастырскомъ. На этой перемѣнѣ мы должны остановить теперь особенное вниманіе, дабы видѣть, какъ устроено Богомъ то благолѣпное зда-

ніе священства, которое въ Церкви Православной будетъ стоять непоколебимо до скончанія вѣка.

Единородный Сынъ Божій въ Лицѣ Своемъ соединилъ права и обязанности служенія пастырскаго. Въ томъ самомъ, что Онъ пришелъ възыскать и спасти погибшаго, высочайшимъ образомъ раскрылась идея пастырскаго служенія. Божественный Искушитель явился именно тѣмъ любвеобильнымъ Пастыремъ, Который, оставляя девяносто девять овецъ, идетъ искать въ горахъ одну заблудшую: оставивъ при прежнихъ видахъ своего промысленія все чистыя, утвердившіяся въ добрѣ Свое творенія, Онъ предпредѣляетъ и исполняетъ новый видъ промысленія въ отношеніи къ падшему человѣчеству. Сообразно съ приточнымъ указаніемъ на Себя, какъ на Пастыря, пришедшаго възыскать заблудшихъ овецъ, Спаситель и прямо называлъ Себя Пастыремъ, котораго знаютъ овцы, и который отверзаетъ двери во дворъ овчій, дабы вводить туда всехъ входящихъ дверьми, а не прелазяющихъ отъ инуду, т. е. достойно избираемыхъ, а не самозванныхъ. На этомъ основаніи и Апостолы именовали Спасителя Главою Церкви, Совершителемъ и Начальникомъ спасенія и Пастыреначальникомъ. Приписывая І. Христу наименованіе Пастыреначальника, Апостолы чрезъ сіе указывали, что Онъ въ высшей степени исполнилъ все обязанности служенія пастырскаго,—и потому производя всехъ пастырей Православной Церкви отъ Самого І. Христа, мы должны смотрѣть, сообразно ли и сходно ли ихъ служеніе съ дѣйствіями ихъ Пастыреначальника. Въ чемъ явилъ Спаситель Свое пастырское служеніе? Въ томъ же, въ чемъ Онъ совершилъ наше спасеніе, т. е. въ ученіи и тайнодѣйствіяхъ. Въ отношеніи къ ученію Спаситель называется Пророкомъ, Апостоломъ, и собственно Учителемъ,—имя, которое по преимуществу приписывали Ему и ученики Его, и фарисеи, и книжники, и саддукеи, и законники, и князи, и народъ весь,—что вполне соотвѣтствовало древнему о Немъ предсказанію, что Онъ Духомъ помазанъ на спасительную проповѣдь. Евангельская Исторія свидѣтельствуетъ, что какъ только возвратился Иисусъ изъ пустыни въ Галлилею, *оттоль началъ проповѣдати*. Извѣстно, что главнымъ содержаніемъ Его проповѣди было Евангеліе Царствія. Сіе Царствіе Божіе, приближавшееся къ человѣкамъ вмѣстѣ съ

пришествіемъ І. Христа, есть не иное что, какъ приведеніе чрезъ него всего рода человѣческаго въ такое состояніе, въ которомъ бы люди признавали Бога своимъ Богомъ и себя Его людьми, т. е. вѣровали въ Него, любили Его, и отъ Него Единого ожидали себѣ вѣчнаго спасенія. Что касается до тайнодѣйствій, необходимыхъ для нашего спасенія, то Спаситель Самъ явился ихъ Устроителемъ и Совершителемъ, и въ этомъ отношеніи Онъ названъ Архіереемъ или Первосвященникомъ. Самое рожденіе Его во плоти и Его искупительная смерть составляютъ одно величайшее тайнодѣйствіе, безъ котораго было бы невозможно наше спасеніе. Величайшая жертва, принесенная за грѣхи міра, послужила основаніемъ для всѣхъ таинствъ, въ воспоминаніе ея учрежденныхъ и служащихъ для насъ проводниками спасающей благодати. И мы видимъ, что Спаситель нѣкоторыя изъ нихъ непосредственно установилъ, частію въ воспоминаніе Своей крестной искупительной смерти, частію какъ необходимыя условія къ полученію спасенія; прочія же посредственно восходятъ къ Нему. Но сосредоточивъ въ Себѣ существенныя пастырскія обязанности, т. е. ученіе и священнодѣйствія, Спаситель не ограничился однако же только тѣмъ, что исполнилъ ихъ въ Себѣ такъ, какъ никто другой исполнить не могъ; но поелику въ этихъ видахъ пастырскаго служенія Онъ благоволилъ заключить необходимыя средства человѣческаго спасенія (какъ это подробно увидимъ ниже), то Онъ также восхотѣлъ вѣрить эти спасительныя средства нѣкоторымъ избраннымъ лицамъ, дабы чрезъ преемство ихъ сохранить оныя въ Церкви до скончанія міра. Для того Онъ не примѣромъ только Своимъ основалъ учительство въ Церкви, а учредилъ его, возложивъ на Апостоловъ должность проповѣдывать Евангеліе и учить народы. Еще при жизни Своей Онъ, посылая ихъ по городамъ, говорилъ имъ: *„Ходяще же проповѣдуйте глаголюще, яко приближися Царствіе Небесное“*. Потомъ по воскресеніи Своемъ торжественно одлекъ ихъ саномъ учителей всего міра. И они, по свидѣтельству книги Дѣяній, тщательно исполняли обязанность учительства; *„но вся дни не престаху учаще и благовѣствующе І. Христа“*. А дабы дѣло это, какъ всегда необходимое, продолжалось и послѣ нихъ, Духъ Святый по вознесеніи І. Христа оставилъ преемство церковныхъ учителей. По Его вну-

шенію Соборомъ Апостольскимъ избранъ новый апостоль на мѣсто отпадшаго Іуды и кромѣ того, св. Павелъ также содѣлался „избраннымъ сосудомъ, дабы пронести имя Христово предъ языки и царями“. Обращеніе и избраніе ап. Павла яснѣе дня показываетъ, что пастырское служеніе, на которомъ онъ паче всѣхъ потрудился, не отъ человѣкъ принято, но ведетъ свое начало отъ самого Учредителя вѣры І. Христа. По волѣ Его Павелъ не только самъ содѣлался проповѣдникомъ и служителемъ Евангелія, но вмѣстѣ съ другими апостолами, имѣя духъ и умъ Христовы, „рукополагалъ пресвитера на вся церкви“, равно и епископовъ, возлагая на нихъ должность учительства. Епископы въ свою очередь получили отъ апостоловъ право устроить по городамъ пресвитеровъ, дабы дѣло учительства повсюду болѣе и болѣе распространялось. Такъ основалось, утвердилось и распространилось учительство въ Церкви, какъ особенное званіе, особый чинъ людей на сіе дѣло избираемыхъ, ведя свое начало отъ І. Христа и переходя отъ Него сперва на апостоловъ, потомъ на пресвитеровъ и епископовъ, а отъ нихъ на ихъ преемниковъ,—и такимъ образомъ въ Церкви и донинѣ не оскудѣваетъ особый чинъ учителей. Теперь взявъ другую сторону пастырскаго служенія совершеніе священнодѣйствій, установленное и освященное примѣромъ и заповѣдями Самого І. Христа, мы и здѣсь можемъ ясно видѣть тоже преемство и въ тѣхъ же лицахъ. Самъ Спаситель то повелѣніемъ, то дуновеніемъ (непосредственно) преподавалъ Апостоламъ власть совершать священнодѣйствія и тайнодѣйствія, различныя моленія и таинства. Это повелѣніе, дуновеніе или даже то самое дѣйствіе, когда Онъ при вознесеніи Своемъ на небо, воздвигши руцѣ Свои, благословлялъ апостоловъ, можно принять за нѣкоторое видимое посвященіе ихъ въ священнослужители. На этомъ основаніи и апостолы, рукополагая церквамъ епископовъ и пресвитеровъ, преподавали имъ власть и силу совершать разные священнодѣйствія. Явные опыты такой власти видимъ въ Тимоѣѣ, которому ап. Павелъ заповѣдывалъ совершать разныя моленія, въ Титѣ, котораго тотъ же Павелъ оставилъ въ Критѣ завести тамъ пресвитеровъ, и въ пресвитерахъ церковныхъ, которыхъ дѣломъ поставляетъ ап. Іаковъ совершать молитвы надъ больными и помазывать ихъ елеемъ во имя Господне. Такимъ образомъ

церковныя священнодѣйствія и ихъ совершители, получивъ учрежденіе свое отъ примѣра и заповѣди Христовой, на всегда остаются въ Церкви Христовой, продолжаясь—первыя въ непрерывномъ употребленіи, а чинъ послѣднихъ въ непрерывномъ ихъ преемствѣ. Послѣ сего понятно, почему пастыри православныя дѣйствуютъ въ Церкви не сами собою, но отъ Лица Пастыреначальника Христа и силою Св. Духа. „Довольство наше, говорятъ они вмѣстѣ съ ап. Павломъ,—отъ Бога, Иже и удоволи насъ служители быти Нову Завету. Не себе проповѣдаемъ, но Христа Господа Исуса. Богъ положилъ въ насъ слово примиренія (дѣло спасенія). По Христу́ же посольствуемъ; яко Богу молящу нами молимъ по Христу́, примиритися съ Богомъ“. Изъ этихъ мѣстъ видно, что апостолы почитали себя провозвѣстниками І. Христа, служителями Его Духа въ ученіи, въ тайнодѣйствіяхъ и управленіи: ихъ ученіе есть слово не человѣческое, а воистину слово Божіе; ихъ тайнодѣйствія суть не человѣками вымышленныя обряды, но тайны Божія; ихъ управленіе не дѣйствіе власти только человѣческой, но изволеніе Св. Духа управлявшаго ихъ волею. Какъ это было въ апостолахъ, такъ это же бываетъ и въ законныхъ ихъ преемникахъ или церковныхъ священнослужителяхъ. „Священники, говоритъ Св. Златоустъ, хотя живутъ на землѣ, но поставлены распоряжать небеснымъ, и получили власть, какой Богъ не далъ ни ангеламъ, ни архангеламъ. Ибо не имъ ли сказано: „Елико аще свяжете“.... „Священнослуженіе, говоритъ онъ еще, совершается на землѣ, но по чиноположенію небесному. Такъ и должно быть. Ибо не человѣкъ, не ангель, не архангель и не другой кто либо изъ сотворенныхъ духовъ, но Самъ Утѣшитель установилъ сіе служеніе и людей, облеченныхъ плотію, содѣлалъ представителями служенія ангеловъ“.

Кто на происхожденіе и начало священства смотритъ непредубѣжденными очами, тотъ чрезъ сіе самое приходитъ къ убѣжденію, что служеніе пастырское есть дѣло необходимое. Когда Самъ Пастыреначальникъ далъ Церкви Своей *овы же апостолы, овы же пророки, овы же благовѣстники, овы же пастыри и учителя*; не утвердилъ ли Онъ чрезъ сіе необходимость служенія пастырскаго? Такъ изъ Божественнаго происхожденія священства можно выводить понятіе о

необходимости его. Но дабы удалить ложную мысль, будто священство было необходимо только въ первыя времена христіанства, мы должны показать необходимость его на всѣ времена до скончанія міра. Съ другой стороны, хотя Божественное происхожденіе священства и промыслительное Божіе попеченіе о немъ указываетъ нѣкоторымъ образомъ на необходимость его: но поелику не все то, что происходитъ отъ Бога, имѣетъ характеръ необходимости и не все то, что Промыслъ поддерживаетъ и хранитъ, должно существовать безусловно и всегда, то указаннаго обстоятельства недостаточно въ подтвержденіе необходимости свящ. сана. Служеніе Левитское также происходило отъ Бога и было хранимо Богомъ, однакоже оно было служеніе престающее и нынѣ мѣста не имѣетъ. Нельзя ли заключить нѣчто подобное и вообще о священствѣ; т. е. не есть ли необходимость его только условная и только примѣненная къ обстоятельствамъ, такъ что при отъятіи условій, при уклоненіи обстоятельствъ рушится и необходимость его? Очевидно, намъ нужно теперь обратить все вниманіе на внутреннее значеніе служенія пастырскаго, чтобы показать, что необходимость его зависитъ не отъ случайныхъ обстоятельствъ, а положена въ его сущности.

Съ понятіемъ пастырства необходимо соединено понятіе управленія, особеннаго вліянія нѣкоторыхъ на жизнь общественную. Идея властительства и взаимнаго подчиненія есть необходимое условіе порядка для цѣлаго міра какъ духовнаго, такъ и вещественнаго. Въ мірѣ духовномъ доколѣ господствовало строгое подчиненіе высшей власти и ея законамъ, дотолѣ продолжался миръ и порядокъ; но какъ скоро нѣкоторыя существа „не соблюли своего начальства“, они уже не могли болѣе принадлежать къ свѣтлому, чистому и блаженному лику небожителей. Подобное замѣчаемъ и въ природѣ вещественной. Что такое зло физическое, какъ не выстуленіе нѣкоторыхъ вещей изъ должныхъ границъ, какъ не противозаконное преобладаніе одной стихіи надъ другой, временное прекращеніе строгаго соподчиненія. Такимъ образомъ какъ цѣлый міръ, такъ и человѣкъ, этотъ малый міръ, не можетъ жить безъ управленія. Есть законы, которыми управляется его тѣлесная жизнь. Есть законы, которые Богъ вложилъ въ самое сердце его для нравственнаго

его управленія. Есть законы, которыми управляется человѣкъ въ жизни общественной. Должно же быть управленіе, которому бы подчиненъ былъ человѣкъ, какъ членъ общества духовнаго, какъ сынъ Церкви. Если же есть въ Церкви подчиненные, то равно необходимо, чтобы нѣкоторымъ извѣстнымъ лицамъ свыше поручены были дѣла вѣры и Церкви. О необходимости такого духовнаго вѣдательства св. Григорій Богословъ разсуждаетъ такъ: „какъ въ тѣлѣ иное начальствуетъ, какъ бы предсѣдательствуетъ, а иное состоитъ подъ начальствомъ и управленіемъ: такъ и въ церквахъ (по закону ли справедливости, воздающей по достоинству, или по закону Промысла, все связующаго) Богъ постановилъ, чтобы одни, для кого сіе полезнѣе, словомъ и дѣломъ направляемые къ своему долгу, оставались пасомыми и подначальными; а другіе, стоящіе выше прочихъ по добродѣтели и близости къ Богу, были пастырями и учителями къ совершенію Церкви, и имѣли къ другимъ такое же отношеніе, какое душа къ тѣлу и умъ къ душѣ, дабы то и другое, недостаточное и избыточествующее, будучи подобно тѣлеснымъ членамъ соединено и сопряжено въ одинъ составъ, совокуплено и связано союзомъ Духа, представляло одно тѣло, совершенное и истинное, достойное Самого Христа—нашей Главы. Посему не думаю, чтобы безначаліе и беспорядокъ были полезнѣе порядка и начальства, какъ для всего прочаго, такъ и для людей. А поелику, хорошо и справедливо, чтобы были начальники и подчиненные, то, по моему мнѣнію, равно худо и въ одинаковой мѣрѣ противно порядку, какъ всѣмъ желать начальства, такъ и никому не принимать онаго на себя. Когда бы всѣ стали избѣгать сего начальствованія или, правильнѣе назвать, служенія: тогда бы прекрасной полнотѣ Церкви не доставало значительнѣйшаго, и она не была бы уже прекрасною“. Эти мысли св. Григорія Богосл. о томъ, что порядокъ и полнота Церкви Христовой требуетъ, чтобы къ ней принадлежали не одни пасомые, но чтобы въ ней всегда были и пастыри, очевидно основаны на указаніяхъ Ап. Павла, который въ первомъ посланіи къ Коринѣянамъ (XII, 12—15; XVIII, 27—31) подробно разсуждаетъ о томъ, что духовное тѣло Церкви должно состоять изъ многоразличныхъ членовъ, изъ коихъ многимъ подаются особенныя дарованія къ созиданію прочихъ. Какъ тѣло со-

стоитъ подъ условіемъ соединенія многихъ членовъ, изъ которыхъ одни болѣе, а другіе менѣе важны, сильны и благородны (ст. 22. 23), такъ и Церковь Христова, устрояемая во образъ тѣла, при внутреннемъ согласіи и единеніи духа, во внѣшнемъ управленіи своемъ, соотвѣтственно нуждамъ каждаго члена, должна состоять изъ многихъ членовъ, изъ которыхъ иные болѣе сильны и важны, каковы пастыри Церкви, другіе менѣе сильны каковы пасомые. И если дѣятельность каждаго члена необходима для пользы цѣлаго тѣла, то еще болѣе необходимо служеніе важнѣйшихъ членовъ, безъ попеченія коихъ тѣло существовать не можетъ. А таково именно служеніе пастырей Церкви по отношенію къ духовной и нравственной жизни цѣлаго рода человѣческаго. Спаситель, молясь къ Отцу, сказалъ о пастыряхъ Своей Церкви: „*Яко же Мене послалъ еси въ міръ, и Азъ послахъ ихъ въ міръ*“. Но Самъ Спаситель посланъ былъ въ міръ, во-первыхъ, какъ пророкъ, сильный словомъ и дѣломъ предъ Богомъ и всѣми людьми; во-вторыхъ, какъ священникъ, принесшій на алтарѣ крестномъ Самого Себя въ жертву за грѣхи міра; въ третьихъ, какъ Царь и Судія, владѣющій сердцами, судящій тайны духа, осуждающій на смерть всякую жизнь, не Имъ дарованную и не въ Немъ возвращаемую. Подобіе троякаго служенія Своего Спаситель предалъ апостоламъ и ихъ преемникамъ. Когда Онъ изрекъ имъ: „*идите научите вся языки, крестяще ихъ*“, то такими словами внушалъ имъ двѣ высокія обязанности учить и священнодѣйствовать; а когда къ нимъ же обратилъ сіи торжественныя и облекающія силою слова—„*елика аще свяжете*“....., чрезъ сіе предалъ имъ право законодательствовать и судить въ Церкви. Такимъ образомъ по подобію служенія Христова образовалось троякое служеніе пастырей Церкви. Необходимость такого служенія ихъ для духовной жизни и спасенія всего рода человѣческаго открывается уже изъ того, что Спаситель Самъ установилъ его для всѣхъ временъ и для всѣхъ странъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Спаситель въ высшей степени и полной мѣрѣ исполнилъ Свое троякое служеніе для спасенія міра: однако же не смотря на это, Онъ хочетъ, чтобы Его служеніе, хотя въ нѣкоторой только степени, впрочемъ непрерывно и всегда, отображалось въ жизни и дѣйствіяхъ особенныхъ избранныхъ Его служителей. Богохульво было

бы думать, что для блага и спасенія челоувѣчества недоста-точно было заслугъ одного І. Христа и потому Онъ избралъ пастырей, представителей Своей власти и какъ бы преемниковъ Своего служенія на землѣ. Слѣдовательно, надо положить, что были другія цѣли, для чего поручить Онъ пастырямъ подобныя тремъ видамъ Своего служенія обязанности и, кромѣ того, должно согласиться, что такія цѣли простираются на всѣ времена, потому что не указано конца, когда бы служеніе пастырское должно было прекратиться. Тотъ, Кто возложилъ особенныя обязанности на пастырей Церкви, общать пребывать съ ними во всѣ дни до скончанія вѣка, что безъ преемства пастырей было бы не возможно. Слѣдовательно, служеніе пастырское должно остаться навсегда и слѣдовательно, въ немъ самомъ положены основанія, почему оно всегда необходимо должно существовать. Бросимъ взглядъ на главныя пастырскія обязанности, т. е. ученіе, священнодѣйствіе и управленіе, дабы изъ обзорнія ихъ показать необходимость служенія пастырскаго.

Духовное просвѣщеніе или ученіе другихъ есть существенная обязанность пастырей Церкви. „Проповѣдовать и благовѣствовать—вотъ для меня священство, вотъ жертва мною приносимая“—восклицаетъ св. Златоустъ. Оставляя къ будущему рѣчь о томъ, что это есть первая изъ обязанностей пастырскихъ, мы здѣсь должны обратить вниманіе на то, что для учительства въ Церкви необходимы пастыри Церкви и что другимъ членамъ оной не можетъ принадлежать дѣло это въ той мѣрѣ и въ томъ смыслѣ, какъ лежитъ оно на пастыряхъ Церкви: они въ собственномъ смыслѣ учителя вѣры, необходимые во всякое время и во всякой части Вселенской Церкви. Правда, Спаситель запретилъ Своимъ послѣдователямъ именоваться учителями, за тѣмъ, что у всѣхъ Единый Учитель Господь и всѣ люди между собою братія. Постѣдая Спасителю и ап. Іаковъ говоритъ: „не мнози учителя бывайте“. Но Спаситель, имѣя въ виду фарисеевъ, преслѣдуетъ только тщеславіе въ учительствѣ, а не самое служеніе, прохожденіе котораго, какъ мы видѣли, такъ торжественно возложено на апостоловъ и ихъ преемниковъ. А ап. Іаковъ, запрещая учить всѣмъ, не только не запрещаетъ учить немногимъ, но и скрытнымъ образомъ внушаетъ священную важность этой обязанности. Ибо, тре-

буя, чтобы учили не многие, онъ чрезъ то указываетъ, что за такое дѣло не могутъ взяться всѣ, и вмѣстѣ научаетъ, что тѣ, которые принимаютъ на себя эту обязанность, должны нести ее, какъ свой священный и необходимый долгъ, дабы чрезъ достойное прохожденіе служенія сего имѣть право принадлежать къ малочисленному сонму достойныхъ учителей. І. Христосъ, основавшій учительство, основалъ и ученіе, коего предметомъ содѣлалъ истины вѣры и спасеніе. Тоже самое служить предметомъ всѣхъ учителей церкви: истинная религія — вотъ поприще ихъ учительства. Но къ этому главному предмету, смотря по обстоятельствамъ и переменамъ лицъ поучаемыхъ, они ставятъ себя не въ одномъ и томъ же отношеніи. Главнымъ образомъ пастыри на поприщѣ учительства являются или какъ распространители и изъяснители вѣры, или какъ учителя христіанской жизни, или, наконецъ, какъ защитники православія: во всѣхъ этихъ отношеніяхъ они суть лица необходимыя.

а) Пастыри Церкви необходимы для распространенія вѣры. Условіемъ вѣчнаго спасенія поставлено призваніе имени Господня по вѣрѣ: „*всякъ, иже призоветъ имя Господне, спасется*“. Но, послѣ своего поврежденія грѣхомъ, человѣкъ не только не можетъ самъ собою, безъ внѣшняго внушенія и руководства, призывать во славу Божию и спасеніе себѣ Божественное имя, напротивъ нерѣдко приходитъ въ опасность потерять врожденное понятіе о Богѣ. Чтобы урвать этотъ недугъ рода человѣческаго, Самъ Богъ своимъ глаголаніемъ къ людямъ поучалъ ихъ Богопознанію. Конечно, Богъ, какъ Всемогущій, возмогъ бы насадить истинное и спасительное вѣдѣніе безъ всякаго внѣшняго посредства, подобно какъ иногда хранилъ Онъ жизнь людей безъ всякаго внѣшняго питанія;—и въ самомъ дѣлѣ были примѣры, когда Самъ Онъ непосредственно открывалъ Себя нѣкоторымъ избраннымъ и озарялъ умъ ихъ Своимъ благодатнымъ свѣтомъ. Но поелику, съ одной стороны, примѣры непосредственнаго призванія принадлежатъ къ числу чудесъ, совершаемыхъ не для всѣхъ и не всегда—съ другой, поелику внѣшнее средство призванія людей ко спасенію утверждено было въ предвѣчномъ Божіемъ Совѣтѣ, ибо здѣсь опредѣлено было, чтобы Самъ Сынъ Божій явился пастыремъ и провозвѣстникомъ спасенія человѣческаго въ подобіи человѣка: то со-

образно сему Самимъ Совершателемъ нашего спасенія введено, какъ необходимое и законное, вѣшнее призываніе всѣхъ ко спасенію. „*Благоизволи Богъ—замѣчаетъ апостоль—буйствомъ проповѣди спасти вѣрующіихъ*“. Отсюда становится понятной та связь спасительной вѣры съ Евангельскою проповѣдію, которую раскрываетъ тотъ же апостоль въ посланіи къ Римлянамъ. Для спасительнаго призыванія имени Божія, онъ признаетъ необходимою вѣру: „*како призовутъ, въ него же не узрѣваши*“? Но *отра отъ слуха*, — продолжаетъ онъ. Какъ невозможно призывать имя Господне безъ вѣры, такъ равно невозможно истинно увѣрсовать безъ слуха. „*Слухъ же глаголомъ Божиимъ*“. Сей глаголь Божій, глаголь живота, изливается въ сердце человѣческое чрезъ проповѣдующаго: „*како услышатъ безъ проповѣдующаго*“? Такимъ образомъ необходимою вѣры для спасенія предполагается необходимость пастырей, какъ проповѣдниковъ глаголовъ вѣры. Всѣ люди вѣ истинной вѣры недугуютъ невѣжествомъ и заблужденіями. „Но какъ выздоровѣть больному, если врачъ ненавидитъ его и бѣгаетъ отъ него, а больной въ свою очередь чуждается врача, когда ни больной ни зоветъ врача, ни врачъ не идетъ къ больному“. Нужно особенное сословіе духовныхъ врачей и наставниковъ, къ которымъ могли бы обратиться всѣ ищущіе истины и не ищущіе ея. Скажутъ, что все это нужно было въ первыя времена христіанства, когда родъ человѣческій стоялъ еще на низшей степени просвѣщенія, а Слово Божіе еще не заключено было въ писанія апостоловъ и евангелистовъ; нынѣ же довольно для желающихъ одного Священнаго Писанія, чтобы содѣлаться истиннымъ христіаниномъ. Правда, что Св. Писаніе достаточно для возбужденія въ человѣкѣ вѣры. Были опыты, въ которыхъ Св. Писаніе было для человѣка единственнымъ началомъ его обращенія къ Богу. Аѳинагоръ, аѳинскій епископъ, изъ язычника сдѣлался христіаниномъ, читая одно Св. Писаніе въ намѣреніи опровергнуть его. Библия также обратила Августина къ Богу. Безъ сомнѣнія, подобные опыты не невозможны и нынѣ, и нѣкоторые дѣйствительно пересказаны въ современныхъ намъ книгахъ. Но надобно замѣтить, что мгновенное убѣжденіе Аѳинагора и подобныхъ ему принадлежитъ къ такимъ процессамъ, въ которыхъ чрезвычайнымъ образомъ является

сила Божія. Но и эти чудодѣйственно озаряемые люди также имѣютъ нужду въ живыхъ и устныхъ наставленіяхъ, какъ и всѣ другіе: Корнилій обращенъ былъ ко Христу ангеломъ, но посланъ былъ къ ап. Петру; Павелъ — Самимъ І. Христомъ, но имѣлъ нужду въ Ананіи. Иное дѣло быть возбуждену Св. Писаніемъ къ обращенію, — въ такомъ случаѣ одно слово, оттуда заимствованное, перемѣняетъ иногда образъ мыслей и жизнь человѣка; иное дѣло изучить весь составъ вѣры по одному Писанію безъ посторонняго руководства. Кромѣ того, что многое въ вѣрѣ сохраняется преданіемъ, а не Писаніемъ, много мѣсть въ самомъ Писаніи, которыхъ неопытный читатель не можетъ понять въ правильномъ смыслѣ. Примѣръ этого сохраненъ для насъ самымъ Писаніемъ. Евнухъ царицы Муриискія возбужденъ былъ къ благоговѣйной любознательности чтеніемъ Св. Писанія: но когда ап. Филиппъ спросилъ у него: понимаетъ ли онъ, что читаетъ, — онъ принужденъ былъ сознаться въ противномъ: *„какъ могу разумѣть, если кто нибудь не наставитъ меня“*. Сила приведеннаго примѣра не ослабляется тѣмъ, что Евнухъ не имѣлъ въ рукахъ Евангелія, гдѣ изъяснено то, что писано у Исаи о Мессіи: много нужно усилій, борьбы, остроумія и непредубѣжденнаго вниманія, чтобы даже согласить предсказаніе съ исполненіемъ. Но кромѣ того въ Нов. Завѣтѣ еще много мѣсть, которыя хорошо можетъ изъяснить только тотъ, кто хорошо знаетъ исторію и истинное преданіе Православной Церкви и озаренъ благодатію св. Духа. Мы знаемъ, что и въ самихъ апостолахъ не вдругъ *отверстъ былъ умъ разумѣти Писанія*, но многое Самъ І. Христосъ изъяснилъ по воскресеніи Своемъ. Подобно тому и новѣрецъ, читающій Писанія, не пойметъ въ немъ всего, доколѣ не предастся руководству богопросвѣщенныхъ наставниковъ, коимъ *„открыты словеса Божія“*. Спаситель Самъ былъ начальникъ и провозвѣстникъ истинной и спасительной вѣры; но Онъ посылалъ предъ Собою по два учениковъ Своихъ, чтобы они, идя предъ нимъ, проповѣдывали то, что прежде сами слышали отъ Него. Св. Писаніе есть источникъ истинной вѣры, но и пастыри Церкви нужны, чтобы приводить невѣдущихъ къ сему источнику, уготовлять для нихъ стезю къ вѣчному спасенію. Одно средство призванія не исключаетъ другаго, тѣмъ болѣе, что не всѣ равно мо-

гутъ пользоваться всѣми существующими средствами. Св. Писаніе открыто для всѣхъ: но не всѣ равно могутъ употреблять оное къ обращенію заблуждающихъ. Пастыри Церкви по тому самому, что предварительно, до полученія сана, упражняются въ изученіи Писанія, чрезъ сіе принимаютъ на себя обязанность быть истолкователями его для другихъ; а пасомымъ хотя и не воспрещается употреблять тоже самое средство къ обращенію иновѣрцевъ, но не всегда они могутъ дѣлать это безъ опасности быть побѣжденными отъ упорныхъ иновѣрцевъ. „Если бы вы, говорилъ въ свое время Златоустъ простымъ мірянамъ, внимательно занимались Писаніемъ и каждо-дневно пріучали себя къ борьбѣ: то я не сталъ бы внушать вамъ удаляться состязаній съ язычниками и даже совѣтовалъ вступать съ ними въ борьбу, ибо истина сильна. Но такъ какъ вы не умѣете пользоваться Писаніемъ, то я боюсь вашихъ состязаній, боюсь, чтобы язычники не побѣдили васъ—безоружныхъ“. Слова сіи буквально можно приложить ко многимъ изъ нынѣшнихъ христіанъ, которые необдуманно желаютъ проповѣдничества и миссіонерства. Посему очень мудро устроено, что хотя всѣмъ открыто Писаніе, но проповѣданіе возлагается на тѣхъ, которые по самому сану уготовляются къ сему,—чрезъ что и нынѣ исполняется слово апостольское: *„какъ проповѣдуютъ, аще не послани будутъ“*? „Спасеніе, говоритъ св. Златоустъ, зависитъ отъ призванія, призваніе отъ вѣры, вѣра отъ слышанія, слышаніе отъ проповѣданія, проповѣданіе отъ посланія“. Постоянный и общій способъ распространенія и утвержденія царства благодати до-нынѣ остается тотъ же, т. е. проповѣданіе истинъ вѣры, возложенное І. Христомъ, чрезъ апостоловъ, на всѣхъ пастырей Церкви. „Всякій, кто получаетъ священство, говоритъ св. Григорій Двоесловъ, пріемлетъ на себя обязанность провозвѣстника, который, предваряя страшное пришествіе Судіи, долженъ течь предъ Нимъ съ громкою проповѣдію. Для той причины Духъ Св. и сошелъ въ видѣ языковъ на первыхъ пастырей, дабы они, исполнившись имъ, сдѣлались проповѣдниками“.

б) Пастыри Церкви нужны, какъ учителя нравственной жизни, поддерживающіе въ обществѣ вѣрующихъ духъ истиннаго благочестія. Говорятъ, если еще можно согласиться, что пастыри нужны для проповѣди, то страннымъ

представляется, для чего они нужны послѣ проповѣди. Главныхъ истинъ спасенія немного: узнавъ ихъ отъ пастыря Церкви, каждый самъ на основаніи ихъ удобно можетъ устроить зданіе своего спасенія. Постоянное пѣстунство пастырей не уничтожитъ ли въ пасомыхъ свободаго раскрытія духа человѣческаго? Мудрствующіе такимъ образомъ, конечно, забываютъ, что корень зла не исторгается совершенно изъ сердца, въ которомъ насаждена истинная вѣра. Не смотря на то, что возрастаетъ въ душѣ истинное Богопознаніе, въ ней все еще могутъ возникать тѣ-или другіе злыя навѣи. Не утвержденные въ вѣрѣ члены общества могутъ увлечься ложнымъ направленіемъ мыслей, мечтаніями гордаго разума,—а потому погрѣшить даже въ самыхъ своихъ усиліяхъ преуспѣвать въ нравственномъ усовершенствованіи. „Одни, говоритъ св. Златоустъ, по любознательности своей безразсудно хотятъ испытывать то, что хотя бы они и постигли, не принесло бы имъ никакой пользы и чего даже нельзя и постигнуть. Другіе требуютъ отъ Бога отчета въ Его судахъ и сѣются измѣрить великую бездну, по реченному: *„Судьбы Твоя бездна многа“*. Мало найдется людей пекущихся о вѣрѣ и жизни. Гораздо болѣе такихъ, которые изслѣдуютъ и изыскиваютъ, чего не возможно изыскать и изысканіе чего прогнѣвляетъ Бога. Для отвращенія всѣхъ такихъ неудобствъ намъ не дано иного другаго средства, кромѣ слова. И если предстоятель не стяжалъ силы онаго, то души подчиненныхъ ему ничѣмъ не будутъ спокойнѣе кораблей, непрестанно обуреваемыхъ“. Правда, иногда слово пастырское съ большею пользою можетъ быть замѣнено словомъ родительскимъ или совѣтомъ добрымъ, получаемымъ отъ добраго ближняго. И дѣйствительно, въ пользу перваго источника наставленій можно замѣтить, что доброе воспитаніе имѣетъ великое вліяніе на юныя сердца, и поелику родители ближе знаютъ нужды, свойства и недостатки своихъ дѣтей, чѣмъ сколько могутъ быть они извѣстны пастырю Церкви, то съ большимъ удобствомъ и успѣхомъ могутъ возгрѣвать въ нихъ духъ благочестія. Что касается вообще до взаимнаго наставленія въ благочестіи, то и этотъ способъ одобряется св. Писаніемъ, гдѣ общество духовное уподобляется составу тѣлесному, въ которомъ одинъ членъ служитъ на пользу другаго, и гдѣ

прямо заповѣдуются поощрять другъ друга въ общеніи любви и добрыхъ дѣлъ. Но недостатокъ перваго способа наставленій въ благочестіи состоитъ въ томъ, что онъ не всеобщъ. Сколько въ Церкви такихъ членовъ, которые рано лишаются возможности пользоваться наставленіями родителей. А сколько и такихъ родителей, которые сами, подобно младенцамъ, увлекаются и колеблются всякимъ вѣтромъ ученія или по невѣденію, или по самообольщенію. Слѣдовательно, необходимы общіе отцы, которые преподавали бы родителямъ и дѣтямъ правила вѣры и дѣятельности христіанской. Равнымъ образомъ и во взаимномъ наставленіи христіанъ не могло бы быть единства, еслибы они не подчинены были власти пастырской. Ибо если съ одной стороны каждый христіанинъ можетъ подать совѣтъ ближнему, прямо соотвѣтствующій состоянію и нуждѣ сего послѣдняго; то съ другой—каждый можетъ наставлять ближняго, сообразно съ своимъ частнымъ образомъ возрѣнія на вещи. А извѣстно, что не смотря на единство вѣры взгляды на нѣкоторые предметы ея у людей могутъ быть разнообразны. Очевидно, нуженъ надзоръ пастыря, который, не уничтожая въ пасомыхъ ихъ взаимныхъ наставленій, давалъ бы имъ одно благое направленіе, исправлялъ бы ихъ различный образъ мыслей духомъ единства, которымъ долженъ быть самъ одушевленъ, примирялъ бы ихъ взаимно несогласныя сужденія о вещахъ своею опытностію и своею властію. Намъ скажутъ, что каждый можетъ повѣрять свой образъ мыслей и руководствоваться въ своемъ поведеніи непосредственно св. Писаніемъ, изъ котораго какъ изъ перваго источника можно почерпнуть все нужное для спасенія и въ которомъ, какъ въ зеркаль, всякій можетъ видѣть свои добродѣтели и пороки. Что за нужда въ учителяхъ церковныхъ, когда Св. Писаніе для всѣхъ раскрыто? Мы въ свою очередь спросимъ: что бы послѣдовало, еслибы неопытнымъ дѣтямъ предложить столъ, уставленный всякаго рода яствами, мягкими и твердыми, свойственными всѣмъ возрастамъ отъ младенческаго до старческаго? У всякаго для пищи свой вкусъ: но можно ли довѣрять дѣтямъ и предоставлять ихъ неопытной свободѣ брать то или другое яство? Яства разнообразны: отселъ возникаетъ опасность, что неопытныи изберегъ пищу, несообразную и даже вредную

его возрасту и организму. Св. Писаніе есть богатѣйшая трапеза, полная многочисленныхъ и разнообразныхъ яствъ духовныхъ, соотвѣтственныхъ различнымъ возрастамъ духовнымъ. Есть въ немъ для однихъ млеко, для другихъ твердая или крѣпкая пища. Можно ли сію трапезу предлагать безъ руководителя каждому изъ членовъ Церкви, между которыми всегда такъ много младенцевъ и дѣтей? Не всегда вредна намъ пища только вредная; вредитъ пища и самая лучшая, когда употребляется или не по возрасту, или не въ мѣру. „Мудрѣйшіе изъ Евреевъ, рассуждають св. Григорій Богословъ, говорятъ, что у нихъ въ древности былъ одинъ прекрасный и похвальный законъ, которымъ не всякому возрасту дозволялось читать всякую книгу Писанія. Ибо чтеніе сіе не было бы и полезно, потому что не всякая книга всякому съ перваго начала вразумительна, а заключающая въ себѣ болѣе глубокой смыслъ, даже можетъ многимъ, по внѣшнему смыслу, обратиться въ большой вредъ. Но у насъ между временемъ, когда учить и когда учиться нѣтъ никакого предѣла. У насъ не дано однимъ позволенія на то, другимъ на другое, и не положено никакого правила касательно способностей; напротивъ, все это оставлено безъ вниманія и слито. И мы такъ худо поступаемъ, что большая часть изъ насъ почти прежде, чѣмъ острижемъ у себя первые волосы и оставимъ дѣтскій лепетъ, прежде нежели войдемъ во дворы Божіи, узнаемъ наименованія свящ. книгъ, научимся распознавать письма В. и Н. Завѣта (не говорю, прежде нежели омоемъ нечистоту и гнусность, какими покрытъ насъ грѣхъ), если только затвердимъ два или три слова о благочестіи, и то по наслышкѣ, а не изъ книги, если хотя мало ознакомимся съ Давидомъ, если умѣемъ ловко надѣть плащъ, или до пояса походить на философа (о чудное предсѣдательство и любомудріе! конечно, Самуилъ священъ и въ пеленахъ): мы уже и мудры, и учителя, и высоки въ Божественномъ, первые изъ книжниковъ и законниковъ, сами себя посвящаемъ въ небесные, желаемъ зватися отъ человѣкъ: учителю, учителю!“ Изъ сихъ словъ, исполненныхъ глубокаго, остроумнаго и справедливаго негодования, не то надлежитъ заключить, что будто людямъ мірскаго состоянія и незрѣлаго возраста совсѣмъ не надобно давать въ руки свящ. книгъ, но то, что какъ скоро неопыт-

ные приступаютъ къ чтенію ихъ безъ разбора и опытнаго руководства, то занятіе это легко можетъ обратиться только въ поводъ къ пустословію и тщеславію. Божественные Наставники преподавали истины, заключенныя въ Писаніи, не всѣмъ одинаково, но сообразно съ пріемлемостію слушавшихъ. Ап. Павелъ писалъ къ Коринѳянамъ: *„азъ, братіе, не могохъ вамъ глаголати, яко духовнымъ, но яко младенцамъ о Христѣ. Млекою вы напоихъ, а не брашною: ибо не у можете, но ниже можете носити нынѣ“*. Самъ Спаситель говорилъ Своимъ ученикамъ: *„еще много имамъ глаголати вамъ, но не можете носити нынѣ“*, и дѣйствительно еще многократно Онъ *„глаголае имъ, яже о Царствіи Божіи“*, послѣ того какъ, *„отверзе имъ умъ разумѣти Писанія“*. Если апостолы не всегда могли слушать ученіе о тайнахъ Царствія Божія, какъ же могутъ теперь всѣ христіане безъ разбору читать сіе же ученіе, преданное письмени? Если тогда для слушанія нужна была извѣстная степень пріемлемости; не нужно ли и нынѣ обращать вниманіе на пріемлемость приступающихъ къ чтенію Писанія, чтобы большую пользу получить отъ этого чтенія? Но поеліку каждый самъ собою, не читавши Писанія, не можетъ рѣшить, какая книга его болѣе соотвѣтствуетъ его пріемлемости и полезнѣе по требованію его внутренняго состоянія и нуждѣ; то такое рѣшеніе, по всей справедливости, должно зависѣть отъ тѣхъ лицъ, которыя, въ правѣ учительства, представляютъ въ самихъ себѣ І. Христа и апостоловъ, и которымъ должны быть извѣстны духовныя нужды и свойства пасомыхъ: *„Сынъ чловѣчь, говоритъ Богъ Іезекилю, стража даеъ ты дому Израилеву, да слышиши слово отъ устъ Моихъ и возвѣстиши имъ отъ Меня“*. Законъ Моисеевъ преданъ былъ письмени, и изъ него каждый Израилѣтянинъ могъ узнавать волю Божію и заключать по ея требованіямъ о безукоризненности или предосудительности своихъ поступковъ; однакожъ Господь не довольствуется тѣмъ, что воля Его изображена въ письменности, но воздвигаетъ новыхъ наставниковъ народу своему. И такъ какъ и эти новые наставники не другое что должны были говорить уклонившимся въ нечестіе, какъ тоже самое, что отъ нихъ требовалъ законъ; значить, что одного закона недостаточно было для исправленія нравовъ, а нужны были такія лица, которыя прилагали бы букваль-

ныя требованія закона къ тому или другому заблуждающемуся, смотря по степени и виду его заблужденій. И исторія показываетъ, что лишеніе живыхъ и устныхъ наставниковъ нравственности всегда сопровождалось глубокимъ упадкомъ ея, хотя самый законъ откровенный стоялъ непоколебимо и изъ него каждый могъ еще поучаться добродѣтели. Падаль народъ Израильскій неоднократно, но все еще пребывалъ вѣрнымъ Богу, доколѣ Іероваамъ, утвердивъ идоловъ, не удалилъ отъ него поставленныхъ Богомъ Левитовъ. Съ ними удалилось благочестіе, оскудѣла вѣра, развратились сердца и народъ Божій, содѣлавшись жертвою своихъ страстей, подпалъ игу иноплеменныхъ. Въ этомъ отношеніи обыкновенно тяготитъ мысль то недоумѣніе, какъ могутъ быть пастыри учителями нравственности, когда многіе изъ нихъ сами живутъ если не совсѣмъ безнравственно, то по крайней мѣрѣ и не лучше пасомыхъ? Но если поведеніе пастыря и бываетъ иногда зазорно, то отъ частныхъ примѣровъ нельзя заключать о цѣломъ званіи. Если нерѣдко злонамѣренностію одного человѣка разрушаются добрые труды многихъ, то и наоборотъ добросовѣстнымъ служеніемъ одного пастыря вознаграждаются опущенія многихъ. Богъ нерѣдко воздвигалъ такихъ пастырей, изъ которыхъ каждый по-одиначкѣ былъ свѣтильникомъ, освѣщавшимъ всю твердь церковную. Ежели обозрѣть съ исторической стороны служеніе пастырское, то откроется, что бесполезность пастырей нерадивыхъ и беспечныхъ стократно вознаграждена была заслугами пастырей, украшавшихъ свое званіе своими познаніями и добродѣтелями. Но еще и то надобно замѣтить, что еслибы поведеніе пастыря и дѣйствительно было предосудительно, и тогда онъ не вовсе бесполезенъ для пасомыхъ. Ибо сколько бы жизнь его не казалась худою, онъ однакоже никогда не учитъ другихъ худо жить, а напротивъ по долгу званія своего порицаетъ порокъ, и желаетъ утвердить добродѣтель. И если пастыри, недостойные одобренія по жизни, не могутъ утвердить въ совершенной святости своей паствы, по крайней мѣрѣ могутъ не допускать ее до совершеннаго нечестія. Были и въ В.—З-ной Церкви пастыри недостойные своего сана, однакоже Спаситель не сказалъ того, чтобы они были вредны для общества, напротивъ предостерегая отъ подражанія ихъ дѣламъ, Онъ всѣмъ

совѣтовать слѣдовать ихъ словамъ. Кромѣ того, поелику достоинство или недостоинство пастырей иногда зависитъ отъ нравственнаго состоянія самихъ пасомыхъ; то надлежитъ обществу вѣрующихъ просить Господа, чтобы Онъ посылать пастырей достойныхъ. Спаситель, сказавъ, что „*жатва многа, дѣлателей же мало*“, прибавляетъ: „*молитесь Господину жатвы, да изведетъ дѣлателей на жатву свою*“. Св. Григорій Двоесловъ замѣчаетъ на сіе: „нельзя безъ великой скорби не сознаться, что на жатвѣ многой мало дѣлателей: ибо очень много тѣхъ, которые готовы слушать добро, но не много такихъ, которые могутъ учить оному. Вотъ цѣлый міръ наполненъ священниками,—и однакоже на нивѣ Божіей рѣдко является достойный дѣлатель. Служеніе пастырское мы приняли, но обязанности сего служенія не всегда исполняемъ. Но вы, братіе, молитесь Господину жатвы за насъ, чтобы мы всегда достойное вамъ предлагали, дабы послѣ проповѣдыванія не быть намъ осужденными отъ Праведнаго Судии въ молчаніи“.

в) Пастыри Церкви еще нужны, какъ защитники чистаго, православнаго ученія вѣры. Доколѣ Церковь остается воинствующею, дотолѣ никогда не уничтожится опасность для ея ученія со стороны гордаго и суемудреннаго разума человѣческаго. Не было еще времени, когда бы Церковь Божія не раздираема была ересями и расколами. Но всѣ такого рода заблужденія какъ образовались отъ непослушанія къ Богоучрежденному въ Церкви учительству, такъ опровергаются и ослабляются его силою. Извѣстно, что издревле пастыри Церкви были представителями православнаго исповѣданія вѣры, и когда желалъ кто знать ея сущность, всегда долженъ былъ обращаться къ симъ высшимъ лицамъ Церкви и слушать, какъ исповѣдуютъ ее они. Но нерѣдко случалось, что нѣкоторые или по личнымъ неудовольствіямъ на пастырей, или по легкомыслію или по излишней самонадѣянности не хотѣли въ точности слѣдовать проповѣдуемому ихъ устами исповѣданію, но или забывали, или старались опровергнуть его. Въ такомъ случаѣ само уже св. Писаніе не могло спасти ихъ отъ заблужденія. Всѣ тѣ, которые обращались къ Писанію, не слушая православныхъ пастырей и даже съ намѣреніемъ обличить ихъ въ неправославіи, естественно, или сами дѣлались ересеначаль-

никами или предавались водительству извѣстныхъ уже лже-учителей. Еще въ свое время св. Григорій Богословъ строго порицалъ тѣхъ людей, которые, какъ изображаетъ онъ, „не имѣютъ у себя ни собственнаго мнѣнія, никакого-либо образца худого или добраго для ученія о Богѣ, но готовы слушать всякое ученіе и всякаго учителя, чтобы изъ всего выбрать лучшее и безопаснѣйшее и такой выборъ довѣряютъ себѣ самимъ—худымъ судьямъ истины; а потомъ, переходя и возвращаясь отъ одной вѣроятности къ другой, нагруженные и подавленные ученіями всякаго рода, перемѣнивъ многихъ учителей и многія писанія разбросавъ легкомысленно, какъ пыль на вѣтеръ, когда утомился слухъ и умъ: (какое безрасудство!) начинаютъ доказывать одинаковое отвращеніе къ одному ученію и напечатываютъ въ себѣ гибельное правило—осмѣивать и презирать самую вѣру нашу, какъ нѣчто не твердое и не имѣющее ничего въ себѣ здраваго. Тогда какъ истинные пастыри не способны кормить словомъ истины, уклонившіеся отъ нихъ, чтобы отъ такого кормчества получить прибыль, бесѣдуютъ съ приходящими о томъ и о другомъ, такъ и иначе, въ угожденіе всякому, подобно [какимъ-либо чревоушителямъ и суесловнымъ, для собственной своей забавы употребляютъ слова, изъ земли изглашаемыя и въ землю уходящія, какъ будто тѣмъ болѣе они прославляются въ народѣ, чѣмъ больше вредятъ себѣ и губятъ себя, проливая неповинную кровь самыхъ простыхъ душъ“. Вотъ вредъ, какой происходилъ въ древнія времена отъ непослѣдованія въ дѣлахъ вѣры за пастырями Церкви, и который въ наши времена тѣмъ съ большею силою можетъ повториться, чѣмъ больше нынѣшняя образованность предоставляетъ себѣ свободы судить о дѣлахъ вѣры и чѣмъ меньше подчиняется она Богопоставленнымъ учителямъ вѣры. Кто же можетъ успѣшнѣе врачевать этотъ недугъ, ослаблять эту склонность къ отпаденію отъ простоты вѣры и къ нововведеніямъ въ области ея? Поелику свобода религіозныхъ убѣжденій не разрушается мечемъ власти гражданской, то обличеніе и отсѣченіе ложныхъ въ этомъ родѣ убѣжденій не иначе можетъ совершаться, какъ мечемъ здраваго слова и Богопросвѣщеннаго разума. „Городъ, разсуждаетъ св. Златоустъ, доколѣ огражденъ отовсюду стѣною, дотолѣ, находясь въ совершенной

безопасности, посмѣвается осаждающимъ его. Но если кто разрушитъ стѣну, хотя на малое отверстіе: то для города нѣтъ уже никакой пользы отъ окружности стѣны, хотя бы прочія части ея оставались твердыми. Такъ и градъ Божій: когда онъ, вмѣсто стѣны, отовсюду огражденъ прозорливостію и благоразуміемъ пастыря, тогда всегда покушенія враговъ оканчиваются стыдомъ и посмѣяніемъ для нихъ, а живущіе внутри города пребываютъ невредимыми. Когда душа страждетъ неправыми догматами; въ семь случаѣ слово чрезвычайно полезно, не только для безопасности своихъ по вѣрѣ, но и для войны съ противниками. Если бы кто имѣлъ мечъ духа и щитъ вѣры такой, что могъ бы чудодѣйствовать и силою чудесъ заграждать уста безстыднымъ, то и для него помощь слова не была бы бесполезна, и даже была бы весьма необходима. Ибо блаж. Павелъ дѣйствовалъ словомъ, хотя повсюду былъ прославляемъ за чудеса. Онъ побѣждалъ повсюду единственно словомъ своимъ. Ибо какимъ образомъ въ Дамаскѣ онъ взялъ верхъ надъ Еллинно-Евреями? Почему препровожденъ былъ въ Тарсъ? Не потому ли, что онъ сильно побѣждалъ словомъ и до того довелъ Еллино-Евреевъ, что они, не вытерпѣвъ пораженія и раздражившись, покушались убить его. А тѣмъ, которые вознамѣрились жить въ Антиохіи по іудейски, явнымъ образомъ онъ воспротивился и состязался съ ними. Членъ Ареопага—житель города, преданнаго идоламъ, не за одно ли проповѣданіе сдѣлался его послѣдователемъ вмѣстѣ съ нѣкоторою женою? Почему Ликаонцы приняли его за Меркурія? Что ихъ (Павла и Варнаву) почли за боговъ,—сему причиной чудеса: но что Павла почли именно за Меркурія, сему причиною уже не чудеса, а слово. Почему во всей вселенной имъ его обращается на устахъ всѣхъ? Почему онъ болѣе всѣхъ прославляется? Не за превосходство ли своихъ посланій, которыя ограждаютъ Церковь на подобіе стѣны, построенной изъ адаманта, и служатъ къ испроверженію ложнаго ученія и защищенію истиннаго“. Такимъ образомъ, какъ въ Апостольскія времена учительство было главнымъ оружіемъ къ испроверженію враговъ вѣры, такъ и нынѣ для сей цѣли тоже нужно оружіе. Тотъ же апостоль, заповѣдая Тимошею, а съ тѣмъ вмѣстѣ и каждому пастырю Церкви внимать ученію, почитаетъ это необходимымъ не для

того только, чтобы наставлять невѣдущихъ, но и чтобы „*обличать противящихся*“. И въ самомъ дѣлѣ, когда возникаетъ ересь и отсель угрожаетъ опасность Церкви, кого ближе касается это дѣло, какъ не пастырей Церкви, которымъ вмѣняется въ обязанность блюсти православіе и распространять его и которымъ даруются нужныя для того средства? Если умолкнетъ ихъ голосъ, укрѣпляемый авторитетомъ власти, имъ ввѣреннаго свыше; чей голосъ будетъ важенъ и досточтимъ для противниковъ? Исторія Христіанской Церкви во всѣ времена указываетъ въ своихъ пастыряхъ не только представителей своего вѣрованія, но и защитниковъ его. Были тяжкія времена, когда православіе защищено было только подвигами исповѣдниковъ и противоборниковъ лжи, и еслибы совсѣмъ оскудѣли они, то не исполнилось бы предсказаніе Спасителя о Церкви, что врата адовы не одолѣютъ ея.

Итакъ, необходимость пастырей, какъ учителей вѣры, столь ощутительна, что безъ нихъ не возможно было бы ни распространеніе, ни сохраненіе вѣры, по порядку, Самимъ Богомъ установленному. Но поелику Церковь воинствующая должна, по предсказанію Спасителя, существовать до конца міра непоколебимою со стороны враговъ; то пастырское учительство должно сохраниться до сего послѣдняго предѣла. Еслибы случилось, что это учительство совсѣмъ оскудѣло или бы прекратилось на нѣсколько времени, то такая утрата повлекла бы за собою самыя пагубныя послѣдствія и была бы яснымъ знакомъ гнѣва или мщенія небснаго. Пророкъ Азарія, нѣкогда угрожая несчастіемъ дому Іудову и Веніамінову, сказалъ только, что „*многи дни будутъ во Израили безъ Бога истиннаго, и безъ священника учащаго, и безъ закона*“. Ключъ къ уразумѣнію этихъ словъ заключается въ книгѣ Притчей, гдѣ (29, 18) говорится, что когда прекращается видѣніе (*prophetia, publicum verbi ministerium*), тогда народъ обнажается. Т. е. когда бываетъ недостатокъ въ пастыряхъ Церкви, тогда познаніе о Богѣ затмѣвается, неповиновеніе Богу и закону усиливается повсюду, всякое добро бываетъ далеко отъ человѣческаго сердца, и общество церковное разсыпается подобно „*овцамъ, не имущимъ пастыря*“. Иначе и быть не можетъ, когда вспомнимъ, что Самъ Богъ такъ устроилъ, чтобы „*устны іереа сохраняли разумъ и все възыскали закона отъ устъ его*“. Но напрасно думаютъ лже-

умствующіе, что въ этомъ отношеніи можетъ замѣнить пастыря каждый членъ общества вѣрующихъ. Они указываютъ на примѣръ церкви первенствующей, гдѣ право проповѣданія и назиданія другихъ предоставляемо было даже и женщинамъ. Но подобные опыты, извѣщаясь исторически, отнюдь не исключаютъ необходимости преемственного пастыр. проповѣдничества. Во времена Апостольскія не каждый безъ разбору могъ учить, но тотъ, кто имѣлъ, по апостолу, или поученіе, или языкъ, или откровеніе, или истолкованіе (14, 26). Явленіе Духа тогда обильно преподавалось, но не всѣмъ всякое, а одному—одно, другому—иное; потому апостоль и спрашиваетъ: „*еда вси апостоли, еда вси пророцы, еда вси учителя, еда вси силы*“? Тогда Духъ Св. непосредственно сообщаетъ дары свои вѣрующимъ: нынѣ же такое сообщеніе производится посредствомъ учрежденнаго тѣмъ же Духомъ порядка, и чтобы нынѣ проповѣдывать или быть учителемъ въ Церкви, необходимо быть посланнымъ, т. е. законно для сего служенія избраннымъ. Всѣмъ же прочимъ, т. е. мірянамъ, не принадлежащимъ къ числу избраннымъ или клиру, Соборъ Вселенскій 6-й правиломъ 64-мъ совершенно воспрещаетъ учить въ Церкви. А Св. Григорій Богословъ сильною ироніей преслѣдуетъ дерзость самозваннаго учителя вѣры: „что касается, замѣчаетъ онъ, до самаго раздаянія слова (говорю о томъ, что составляетъ первую нашу обязанность и разумѣю Слово Божественное и высокое, о которомъ нынѣ всѣ любомудрствуютъ): то ежели кто другой приступаетъ къ дѣлу сему съ дерзновеніемъ и почитаетъ оное доступнымъ для всякаго ума, я дивлюсь многоумію, чтобы не сказать: малоумію такого человѣка“. Такимъ образомъ не только необходимо учительство въ Церкви, но и для него посланничество, т. е. необходимы свыше избираемые пастыри, на которыхъ возлагается долгъ учительства, какъ необходимая и существенная ихъ обязанность. Лица эти нужны не только для первоначальнаго проповѣдыванія вѣры, но и чтобы всѣ, уже просвѣщенные вѣрою, при посредствѣ ихъ, постепенно приходили „въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова“.

Но если пастыри Церкви нужны, какъ учителя и защитники Христовой вѣры, то еще болѣе нужны они, какъ совершители таинъ Христовыхъ. Говоримъ: „болѣе нужны“—потому,

что право ихъ, какъ учителей вѣры и нравственности, въ нѣкоторой степени можетъ принадлежать и не посвященнымъ въ санъ пастырей мірянамъ, которые частнымъ образомъ могутъ проповѣдывать вѣру и наставлять себя взаимно въ правилахъ нравственности; но совершать таинства есть исключительная обязанность священныхъ лицъ, которыя въ этомъ отношеніи служатъ необходимыми орудіями возраждающей благодати Божіей. Священнодѣйствія вообще суть способы и средства сообщенія человѣка съ Богомъ и Бога съ человѣкомъ. Церковныя моленія вообще суть какъ бы отверстія или исходы, чрезъ которыя восходятъ къ Богу наши желанія и чрезъ которыя подаются намъ милости отъ Бога. По слову Христову и апостольскому каждый можетъ и долженъ молиться непрестанно и слѣд. иногда безъ посредства священнослужителя и даже вовсе безъ свидѣтелей. Но бываютъ случаи, когда и для простаго моленія нужно посредство пастыря Церкви, когда успѣхъ молитвы преимущественно зависитъ отъ усердія въ ней священнослужителя. Въ В. Завѣтѣ дана была заповѣдь Богомъ: „да помолится жрецъ о всемъ сонмѣ сыновъ Израилевыхъ и останется имъ“ грѣхъ; а въ Новомъ Завѣтѣ, кромѣ того, еще прибавлено: „болитъ ли кто въ васъ, да призоветъ пресвитеры церковныя, и молитву сотворятъ надъ нимъ.... и молитва оныя спасетъ болящаго“. Очевидно, что въ дѣлѣ молитвы много значить и виѣшнее избраніе. Отпущеніе грѣховъ Израилтянамъ обѣщано было по молитвѣ жреца не за чистоту только его жизни предполагаемую, но и за жреческое право очищать грѣхи людскіе, законно ему усвоенное. Тѣлесное здравіе и душевное спасеніе обѣщается больному по молитвѣ пресвитеровъ также не за одно ихъ нравственное вліяніе, но потому, что, какъ замѣчаетъ самъ ап. Іаковъ, „много можетъ молитва праведнаго (т. е. человѣка по самому сану освященнаго, и оттого сравнительно съ другими болѣе къ Богу доступна) споспѣшествуема“. Утверждая это, мы не хотимъ сказать, что гдѣ нѣтъ священства, не можетъ быть и молитвы: ибо знаемъ, что и въ мірѣ языческомъ, гдѣ нѣтъ истиннаго священства, молитва нѣкоторыхъ была услышана Богомъ; а только на указанныхъ основаніяхъ признаемъ несомнѣннымъ, что для молитвы предъ Богомъ иногда необходимо посредничество пастырей Церкви. Безъ таинствъ нельзя

получить даровъ благодатныхъ; но совершителями таинствъ должны быть только освященные Богомъ лица. Конечно, Богъ, какъ существо Всемогущее, но вмѣстѣ и духовное могъ бы непосредственно и невидимымъ образомъ исполнять насъ не въ мѣру Своимъ Духомъ; но поелику мы сами живемъ двоякою жизнію тѣлесною и духовною, то Онъ благоволилъ, чтобы были особенныя видимыя знаменія невидимыхъ изліяній благодати. „Еслибы ты, замѣчаетъ св. Златоустъ, былъ безтѣлесенъ, то и Онъ чистые и безтѣлесные общалъ бы тебѣ дары. Поелику же душа твоя заключена въ тѣлѣ, то и Онъ въ предметахъ чувственныхъ даруетъ тебѣ духовное“. Эти—то видимыя наружныя дѣйствія, служащія знаменіями невидимой благодати Божіей, и заключаются въ таинствѣ и, поелику они суть дѣйствія видимыя, по тому самому требуютъ для себя и орудій чувственныхъ и плотныхъ, а такими орудіями могутъ быть только священники, Самимъ Богомъ освященные. Это ихъ существенный долгъ, къ исполненію котораго никто самъ собою не можетъ приступить. Объ этомъ св. ап. Павелъ учитъ такъ: *„всякій первосвященникъ (или, какъ принимаетъ это слово Златоустъ, всякій священникъ) изъ человѣковъ для человѣковъ поставляется на служеніе Богу, чтобы приносилъ дары и жертвы за грѣхи. И никто самъ собою не пріемлетъ сей чести, а только призываемый Богомъ, какъ Ааронъ“*. Вотъ законъ, утвержденный Самимъ Богомъ въ отношеніи къ совершителямъ таинствъ, законъ, который, со временъ Аарона, необходимо соблюдается въ Церкви Божіей, и которому воздалъ дань повиновенія Самъ Сынъ Божій. Ибо исторія показываетъ что послѣ того, какъ Самъ Богъ сказалъ Моисею—*„ты приведи Аарона и сыновъ его отъ сыновъ Израилевыхъ, да священнодѣйствуютъ мнѣ“*, съ тѣхъ поръ не прекращалось въ Церкви В. Завѣтной преемство избираемыхъ Богомъ жрецовъ, доколѣ, наконецъ, не возсталъ *„Архiereй Великій, прошедый небеса, Исусъ Сынъ Божій“*. И что всего замѣчательнѣе, даже и Сей Божественный Первосвященникъ не Самъ присвоилъ Себѣ славу быть первосвященникомъ, но сію славу далъ Ему глаголавый къ Нему: *„Сынъ Мой еси Ты, Азъ днесъ родихъ Тя, Ты еси Иерей во вѣкъ по чину Мелхиседекову“*. А когда Сынъ Божій принялъ на Себя служеніе священства по опредѣленію Отца Небеснаго: кто же послѣ этого дерзаетъ самъ собою принять на себя

совершенство таинствъ? Если есть святотатство, то безъ сомнѣнія самая страшная и самая высшая степень его бываетъ тогда, когда безъ призванія дерзають священнодѣйствовать. Симонъ волхвъ, не размысливъ, что право преподавать другимъ дары благодати даруется туне, хотѣлъ купить его цѣною корысти: но серебро его обратилось съ нимъ въ погибель. Оза необдуманно коснулся кивота—и хотя кивотъ предохранилъ отъ паденія, но самъ погибъ. Что означаютъ подобныя происшествія, какъ не мщеніе гнѣва небснаго за одно только самозванное покушеніе священнодѣйствовать? Если нужны священнодѣйствователи изъ человѣковъ, а между тѣмъ всѣ люди болѣе или менѣе грѣшны, и слѣд. всѣ въ нѣкоторой мѣрѣ недостойны сами собою приступить къ священнодѣйствіямъ; то очевидно необходимо, чтобы освящены были для этого особенные избранники, въ которыхъ бы сила благодати уврачевала немощное, восполнила бы оскудѣвающеюся; а таковы именно у насъ священники, которые по словамъ Игнатія Богоносца, „новымъ благословеніемъ отдѣляются отъ обыкновеннаго народа и ихъ духъ нѣкоторою невидимою силою и незримою благодатію получаетъ новое лучшее образование“. Такимъ образомъ священники столько же необходимы для нашей жизни духовной, сколько родители плотскіе для нашей тѣлесной жизни: они раждаютъ насъ въ жизнь благодатную, вводятъ въ Христову Церковь и питаютъ дарами св. Духа. Правда, въ нашей Церкви не воспрещено и мірянамъ отраждать въ жизнь духовную посредствомъ крещенія, которое кѣмъ бы ни было совершено, всегда будетъ спасительно, лишь бы только во имя св. Троицы совершено. Но а) это позволяется не всегда и безъ разбору, а только въ случаѣ крайней нужды, когда, наприм., человѣкъ подвергается опасности умереть безъ крещенія; б) самое это позволеніе никѣмъ не могло бы быть дано, если бы нѣкоторымъ и освященнымъ лицамъ прежде не дано права быть раздаятелями даровъ Св. Духа. Если бы первоначально не было Богоучрежденныхъ совершителей таинствъ, то не было бы и никакихъ совершителей. Если же теперь къ совершенію крещенія допускаются непосвященные; то самое это допущеніе есть даръ законныхъ совершителей таинствъ, которые, туне пріявши даръ благодати, туне могутъ ввѣрять ее и другимъ. Наконецъ, в) если міряне могутъ со-

вершать крещеніе, то отсюда не слѣдуетъ, чтобы они могли совершать и всѣ священнодѣйствія дароподательныя и необходимыя для спасенія. Ибо и послѣ крещенія, которое можетъ совершить и человѣкъ неосвященный благодатію священства, нужно еще миропомазаніе, которое никто не можетъ преподавать, кромѣ прямыхъ преемниковъ апостольскихъ. Когда Филиппъ, одинъ изъ семи діаконовъ, проповѣдывалъ въ Самаріи, многіе чрезъ него получили крещеніе во имя Господа Иисуса; но чтобы преподавать новокрещеннымъ Духа Святаго, для этого пришли туда апостолы Петръ и Іоаннъ. „Почему же, вопрошаетъ св. Златоустъ, новокрещенные не получили св. Духа?“ „Потому, отвѣчаетъ, что Филиппъ, какъ одинъ изъ семи діаконовъ, не имѣлъ дара низводить оныи. Власть сія принадлежала тогда только двѣнадцати апостоламъ. Это собственно ихъ было преимущество, почему и нынѣ можно видѣть, что только церковные властители, а не другой кто, могутъ совершать сіе“. Такимъ образомъ, не смотря на случайности, главными и необходимыми орудіями благодати Божіей въ дѣлѣ спасенія человѣческаго остаются навсегда пастыри Церкви, которыхъ, по заповѣди апостольской, должны почитать всѣ не иначе, какъ слугъ Божіихъ и строителей тайнъ Божіихъ. „Что ни поручено для совершения священнику, пишетъ св. Златоустъ, все это даруетъ одинъ Богъ. Ибо не только священникъ, но ни ангель, ни архангель не можетъ ничего произвестъ своею силою въ томъ, что подается отъ Бога; но Отецъ, и Сынъ, и Св. Духъ устрояетъ все. Священникъ употребляетъ свой языкъ и простираетъ руку“. „Приступающій къ таинству, замѣчаетъ онъ еще, приближается къ устамъ іереевымъ какъ къ прорицалищу. Онъ погубилъ жизнь свою еще въ прародителяхъ, и приходитъ взыскать ее, просить совѣта, какъ найти и приобрести ее. Тогда Богъ вѣщаетъ устами іерея, какъ найти ее“. Но не ослабляется ли необходимость пастыррей, какъ раздателя даровъ благодати, тѣмъ обстоятельствомъ, что многіе изъ нихъ недостойно проходятъ свое служеніе? Мысль эта дѣйствительно какъ древле колебала многихъ, такъ и нынѣ побуждаетъ нѣкоторыхъ отвергать дары благодати, преподаваемые руками православныхъ священниковъ. Поводъ къ сомнѣнію заключается въ томъ, что всякій, кто живетъ несообразно съ закономъ Божіимъ, тотъ не можетъ

не только приобрѣтать новыхъ, но и хранить полученныхъ даровъ благодати. Отсюда Донатисты въ свое время заключали, что священники сомнительнаго поведенія не могутъ обладать дарами благодати, а не имѣя благодати, не могутъ и раздавать ее. Недостойный служитель, говорили они, не принадлежитъ къ Церкви; какъ же онъ будетъ совершать и раздавать тайны Церкви? Слѣдуя такимъ разсужденіямъ, и нѣкоторыя изъ нашихъ раскольническихъ сектъ проповѣдуютъ, что православныхъ священниковъ нельзя почитать за истинныхъ священниковъ, ибо многіе изъ нихъ по жизни недостойны быть служителями благодати, а потому, поставляя безукоризненную жизнь выше посвященія церковнаго въ священный санъ, мечтаютъ съ мнимою пользою обойтись безъ священства. Противъ этого должно замѣтить, что дурная жизнь пастыря не можетъ быть рѣшительнымъ препятствіемъ ко спасенію другихъ. Благодать Божія изливается въ таинства священства—на пастыря, а въ прочихъ таинствахъ на христіанъ чрезъ пастыря, независимо отъ его поведенія. Монета не теряетъ цѣны своей отъ того, что попадаетъ въ руки вора. „Иное дѣло, замѣчаетъ противъ Донатистовъ Августинъ, не имѣть вещи, а другое—владѣть ею не по праву“. Мы не говоримъ того, чтобы служитель Божій поступать хорошо, когда онъ дѣло свое совершаетъ нерадиво и безъ должнаго благоговѣнія. Онъ виновенъ и подвергается Божію суду, но не за то, что онъ будто бы уничтожалъ своимъ худымъ расположеніемъ дѣло благодати, а за то, что онъ недобрый и невѣрный служитель, не дѣлалъ дѣла своего такъ, какъ долженъ былъ дѣлать. Отсюда, сколь бы поведеніе пастыря ни было предосудительно, но пока въ священодѣйствіи онъ не запрещенъ властію суда церковнаго, онъ остается дѣйствительнымъ орудіемъ благодати Божіей. „Нерѣдко случается, разсуждаетъ св. Златоустъ, что начальники живутъ предосудительно и худо, а подчиненные у нихъ добрые и воздержные, что міряне проводятъ жизнь въ благочестіи, а священники въ нечестіи,—и если бы благодать вездѣ некала достойныхъ, то отсель бы произошло, что ни крещеніе не существовало бы, ни причастіе тѣла Христова, ни приношеніе, совершаемое священниками! Напротивъ, нынѣ и чрезъ недостойныхъ Богъ обыкновенно дѣйствуетъ,—и однакоже благодать крещенія не сокращается жизнію священ-

ника. Это я говорю вамъ для того, чтобы кто-нибудь изъ васъ, разсматривая очень тщательно жизнь священника, не соблазнился касательно того, что совершается въ таинствахъ. Ибо къ тому, что здѣсь предлагается, человѣкъ ничего не приноситъ своего: все есть дѣйствіе силы Божіей, а онъ (священникъ) васъ только таинноводствуетъ“. „Если Богъ, для блага Своего народа, говоритъ нѣкогда чрезъ ослицу и Балаама, человѣка нечестиваго, то тѣмъ паче нынѣ чрезъ священника. Ибо чего не дѣлаетъ Богъ для нашего спасенія? Чего не говоритъ? Чрезъ кого не дѣйствуетъ? Если чрезъ Иуду Богъ нѣкогда дѣйствовалъ, и чрезъ тѣхъ, которые пророчествовали и чудеса творили, и однако же будутъ Имъ отринуты, то тѣмъ болѣе Онъ дѣйствуетъ чрезъ священниковъ“. Правда, худые поступки служителя Божія, производятъ худое впечатлѣніе на участвующихъ въ дѣлѣ Божіемъ; но и въ такомъ случаѣ таинства и слово Божіе, эти необходимыя средства спасенія, остаются въ полной силѣ,— и сама себѣ вредитъ душа, которая обращаетъ вниманіе не столько на могущество благодати, сколько на немощь служителя тайны. Необходимымъ условіемъ для полученія спасающей благодати, со стороны приѣмляющаго, служить вѣра. Но при выполненіи этого условія и нравственно худой не повредитъ, равно какъ и наоборотъ, нравственно добрый не поможетъ, когда нѣтъ въ насомомъ вѣры: ибо не добродѣтель пастыря совершаетъ спасеніе, а даруетъ его Богъ по мѣрѣ вѣры. „Было бы даже несправедливо, замѣчаетъ св. Златоустъ, если бы приступающій съ вѣрою, по причинѣ чужой порочности, получилъ какой-либо вредъ для себя въ принятіи таинствъ спасенія“. Итакъ, пастыри хотя не равны между собою по жизни, всѣ служатъ необходимыми орудіями Божіей благодати и въ преподаваніи даровъ ея всѣ между собою равны. Прекрасно раскрываетъ эту мысль св. Григорій Богословъ, разсуждая о совершителяхъ таинства крещенія. Въ его время многіе изъ готовящихся къ сему таинству не хотѣли принять его отъ не совершенныхъ по жизни священнослужителей, и до прихотливости были разборчивы въ избраніи крестителя. Святитель обращаетъ къ нимъ исполненную обличительной силы рѣчь: „не говори: меня долженъ крестить епископъ, притомъ митрополитъ и іерусалимлянинъ, сверхъ того, кто иибудь изъ людей благородныхъ;

ибо опасно, чтобы благородство мое не было унижено крещеніемъ; или хотя священникъ, но безбрачный, человекъ воздержной и ангельской жизни, ибо не спосно, если осквернюсь во время очищенія. Не вникай въ достовѣрность проповѣдника или крестителя. У нихъ есть другой Судія, испытующій и невидимое. А къ очищенію тебя всякій достоинъ вѣры: только бы онъ былъ изъ числа получившихъ на сіе власть, не осужденныхъ явно и не отчужденныхъ отъ Церкви. Не суди судей ты, требующій врачеванія; не разбирай достоинства очищающихъ тебя. Хотя одинъ другого лучше, или ниже, но всякій выше тебя. Разсуди такъ: два перстня, золотой и желѣзный, и на обоихъ вырѣзанъ одинъ и тотъ же царскій ликъ и обими сдѣланы печати на воску. Чѣмъ одна печать отлична отъ другой? — Ничѣмъ. Распознай вещество на воску, если ты всѣхъ премудрѣе. Скажи, который оттискъ желѣзнаго и который золотого перстня? И отчего онъ одинаковъ? Ибо хотя вещество различно, но въ начертаніи нѣтъ различія. Такъ и крестителемъ да будетъ у тебя всякій. Ибо хотя бы одинъ превосходилъ другого по жизни, но сила крещенія равна“. Такимъ образомъ самое свойство молитвъ и таинствъ христіанской Церкви требуетъ, чтобы для совершенія оныхъ освящаемы были особенные Богоучрежденные священнодѣйствователи. Иначе и быть не должно, когда вспомнимъ, что нигдѣ и никогда видимая сторона религіи не могла существовать безъ видимыхъ ея служителей. Самые грубые обряды языческіе имѣли своихъ постоянныхъ опредѣленныхъ къ тому совершителей. Если же въ обрядовой сторонѣ христіанской религіи, по тому самому, что она учреждена Богомъ, все должно быть благообразно и по чину; то необходимо должны быть и особенные священнодѣйствователи, которые бы, по возложенной на нихъ обязанности, были бы постоянными блюстителями Богоучрежденнаго порядка и чина. Мы нерѣдко видимъ, что многіе священнослужители по недавности и новости своего служенія впадаютъ, во время самаго священнодѣйствія, въ забвеніе и ошибки,—и прерывая или смѣшивая порядокъ богослуженія, сами подвергаются отвѣтственности предъ Богомъ и на предстоящихъ дѣлаютъ очень непріятныя впечатлѣнія. Подобныя нестроенія и ошибки, отнимающія у священнодѣйствій ихъ благолѣпіе, повторялись бы постоянно и

неизбѣжно, еслибы не было опредѣленныхъ навсегда священнодѣйствователей. Ибо тогда всякій бы почиталъ себя въ правѣ приступить къ священнодѣйствию, и всякій бы, по новости и неопытности, уничижалъ бы дѣло Божіе своими ошибками. Такой беспорядокъ привелъ бы къ самымъ пагубнымъ послѣдствіямъ. Въ жизни замѣчено, что когда дѣло не лежитъ ни на чьей отвѣтственности, и за него берутся всѣ, оно дѣлается худо, или даже и вовсе не дѣлается, потому что каждый какъ могъ за него взяться, такъ и почитаетъ себя въ правѣ и отъ него отказаться. Подобное бы послѣдовало и съ нашимъ внѣшнимъ богослуженіемъ: сначала многіе, быть можетъ, приступили бы къ совершенію онаго съ полнымъ усердіемъ, а со временемъ всѣ бы къ нему охладѣли или по крайней мѣрѣ нерадиво бы стали совершать его по тому только, что для всѣхъ оно бы сдѣлалось доступнымъ и слѣд. обыкновеннымъ. Потому-то св. Григорій Богословъ, желая показать необходимость Богоучреждаемыхъ священнослужителей, съ сомнѣніемъ вопрошаетъ ¹⁾: „гдѣ и кѣмъ совершалось бы у насъ таинственное и горѣ возводящее Богослуженіе, которое у насъ всего превосходитъ и досточестнѣе, еслибы не было ни царя, ни князя, ни священства, ни жертвы, ни всего того, чего, какъ важнѣйшаго, лишены были непокоривые древле, въ наказаніе за великія преступленія“.

Доселѣ мы говорили о необходимости пастырей Церкви, какъ учителей вѣры и совершителей священнодѣйствій; взглянемъ теперь на нихъ, какъ на правителей Церкви: и въ этомъ послѣднемъ отношеніи они необходимы. Церковь въ своемъ составѣ, какъ общество, не можетъ обойтись безъ законовъ, а законы безъ ихъ блюстителей и правителей—и членъ Церкви, принадлежа къ Церкви, не можетъ не подлежать ея законамъ и не подчиняться ихъ блюстителямъ и правителямъ. Свобода, которую Христосъ нашъ даровалъ, не только не исключаетъ, но еще требуетъ законовъ и правителей, подчиненности и управленія, чтобы христіанину имѣть вѣрныя указанія и вѣрныхъ руководителей въ шествіи по пути христіанской свободы и такимъ образомъ не уклоняться на распутіе грѣховнаго рабства. „Не имѣть на-

¹⁾ Твор. Григ. Бог. 1, 13. 19.

чальства и правителя есть великое зло, источникъ многихъ бѣдствій, говоритъ св. Златоустъ ¹⁾, и начало возмущенія и смѣшенія. Особенно же это въ Церкви тѣмъ пагубнѣе, чѣмъ начальствовагіе въ ней выше и величественнѣе. Ибо какъ если у собранія пѣвцовъ отнять главнаго распорядителя пѣнія, хоръ не будетъ строенъ и для слуха пріятенъ, или если у отряда войскъ удалить вождя, въ ономъ не будетъ доставать ни вѣрности въ счетѣ, ни строгости въ порядкѣ, или ежели корабль лишится кормчаго,—несомнѣнно погибнетъ; такъ если и у паствы не останется пастыря, все превратится“. Оттого въ Церкви всегда были и есть управление и управители, и Первый Правитель ея есть Самъ І. Христосъ. Пастырь по образу сего Пастыреначальника, овцы своя *гласаетъ по имени и изгонитъ ихъ* на добрую пажить благочестія, а *егда своя овцы ижденетъ, предъ ними ходитъ собственнымъ примѣромъ, и овцы по немъ идутъ тѣмъ путемъ, который онъ имъ пролагаетъ* и словомъ и дѣломъ, яко *вдѣятъ гласъ его*, который, какъ гласъ имъ извѣстный, скоро доходитъ до ихъ сердца, говоритъ ихъ совѣсти, убѣждаетъ до глубины души. Разсматривая ближе правительственную должность пастырей Церкви, мы можемъ подраздѣлить ее на законодательную и судебную и безъ труда можемъ увѣриться въ необходимости той и другой. Власть законодательная, принадлежащая пастырямъ, относится собственно къ церковному благочію. Хотя многое въ Церкви опредѣлено Писаніемъ и преданіемъ, и на этомъ основаніи пастыри, дабы удержать характеръ единства, свойственный православной Церкви, не позволяютъ себѣ издавать новыхъ правилъ, если прежнія учрежденія достаточны для управленія, и не любятъ измѣнять правилъ древнихъ: но поелику съ одной стороны законы, касающіеся церковнаго порядка, не въ той мѣрѣ важны и неизмѣнны, какъ догматы вѣры и правила нравственности, съ другой—жизнь христіанскаго общества такъ же, какъ и всякаго другого, измѣняется по обстоятельствамъ и постоянно идетъ впередъ, то естественно, что и пастыри, сообразно съ измѣняющимися нуждами Церкви, не могутъ не подчинять себя другому началу, господствующему въ Церкви, какъ въ живомъ обществѣ, на-

1) Hom. 34 in Hebr. ab. init.

чалу усовершенности. На этомъ-то началѣ основывается ихъ существенное и необходимое право издавать новые законы, по поводу вновь возникающихъ вопросовъ, составлять новыя учрежденія, какихъ требуетъ разнообразіе внѣшней жизни христіанъ, вводимое различіемъ мѣстъ и временъ. Что для такой законодательной власти, необходимой въ Церкви, необходимы въ Церкви высшія лица, каковы пастыри, это доказываютъ и дѣйствія апостоловъ. Называя себя служителями І. Христа и волюнѣ повинуваясь Его словамъ и учрежденіямъ, они издавали однакоже свои постановленія, которыя имѣли только мѣстное значеніе и, предоставляя подобную власть своимъ преемникамъ (какъ напр. Павелъ Титу и Тимоеею), отказывали въ ней простымъ мірянамъ, совѣтуя имъ строго держаться преданій, которыя предложены были или словесно, или въ посланіяхъ. Апостольскому примѣру до-нынѣ слѣдуютъ и пастыри Церкви: они почитаютъ нужнымъ извлекать нѣкоторыя правила изъ духа Писаній и преданій, потому что въ сихъ источникахъ религіи нельзя найти на всѣ непредвидѣнные случаи буквальныхъ предписаній. Что касается до власти судебной, то ея необходимость предполагается самымъ существованіемъ власти законодательной. Если есть древніе законы въ Церкви, если пастырямъ предоставлена власть составлять и новые, то необходимъ и надзоръ за ихъ исполненіемъ; иначе они и существуя, не будутъ какъ бы существовать. Законъ хорошо соблюдается тогда, когда строгимъ преслѣдованіемъ опущеній и справедливымъ взысканіемъ преступленій противъ него поддерживается его авторитетъ. А такой надзоръ за исполненіемъ законовъ церковныхъ кому ближе и удобнѣе можетъ принадлежать, какъ не пастырямъ Церкви, которые, по Божественному намѣренію, поставляются стражами дому Божія? Напрасно протестантскіе юристы, подчиняя, въ силу своего начала—*„eius est regio, eius est religio“*, Церковь гражданству, хотять доказать, что дѣла церковныя могутъ принять на себя власти гражданскія. Властительствомъ гражданскимъ никогда не можетъ быть замѣнено управленіе церковное: потому что эти два начала, хотя близкія между собою, но съ тѣмъ вмѣстѣ совершенно различныя. Эту противоположность ихъ показать Самъ Спаситель, сказавъ первымъ преемникамъ Своей власти на землѣ: *„будьте, яко князи*

языкъ господствуютъ ими и велицыи (сильные земли или земныя власти) обладаютъ ими: не такоже будетъ въ васъ“. Сказавъ: „не такоже будетъ въ васъ“, Спаситель далъ уразумѣть апостоламъ, что и имъ принадлежитъ власть, подобно какъ сильнымъ земли, но что ихъ власть совсѣмъ противоположна, по своему духу и направленію, обыкновенной власти гражданской. Предоставляя себѣ право въ другомъ мѣстѣ изложить вкратцѣ различіе власти духовной отъ гражданской и въ особенности превосходство первой надъ послѣднею, мы при настоящемъ случаѣ укажемъ только на то, какія пагубныя слѣдствія могли бы произойти, еслибы власть гражданская поглотила въ себѣ силу церковнаго суда. Прежде всего, при такомъ нововведеніи, нельзя ожидать довѣренности отъ подчиненныхъ ко властямъ. Власть тогда досточтима и важна, когда зиждется на законномъ правѣ; въ противномъ случаѣ и доброе влательство съ трудомъ можетъ уничтожить негодованіе, возбужденное тѣмъ представленіемъ, что въ первоначальномъ устройствѣ его было нѣчто святотатственное. Въ Евангельской исторіи повѣствуется, что нѣкто пришелъ къ Іисусу и жаловался на брата своего, не хотѣвшаго дѣлать съ нимъ имѣніе: Спаситель на это отвѣчаетъ: „человѣче, кто Мя постави судію и дѣлителя надъ вами? Совершенно наоборотъ послѣдовало бы, еслибы кто нибудь, не посвященный въ санъ пастырскій, сталъ бы склою только внѣшняго влательства раздавать членамъ Церкви разныя священныя права и судить ихъ нравственныя поступки. Тогда члены Церкви, правильно разумѣющіе начала внутренняго и внѣшняго ея устройства, если не словомъ, то взоромъ и мыслию вопросятъ незаконнаго присвоителя священныхъ правъ: „Человѣче! Кто тя постави судію и дѣлителя надъ нами?“ Кромѣ того, самая возможность присвоить себѣ власть духовную послужитъ поводомъ къ притязательности, разнымъ несправедливостямъ и злоупотребленіямъ. Неудерживаемый въ границахъ закономъ, влекомый самолюбіемъ, каждый будетъ усиливаться стать выше того состоянія, въ какомъ поставилъ его природа и Промысль. Во времена Златоуста подобный безпорядокъ усилился до такой степени, что даже женщины позволили себѣ вмѣшиваться въ управленіе дѣлами церковными. „Законъ Божественный, справедливо жа-

луется Святитель, удалитъ жень отъ сего служенія: а онѣ сами вторгаются въ область его,—и поелику сами по себѣ нисколько не имѣютъ силы, то дѣлаютъ все, чрезъ посредство другихъ, и такую присвояютъ себѣ власть, что и избираютъ и извергаютъ священниковъ по своему произволу. Пословица: „къ верху дномъ“,—сбылась здѣсь на дѣлѣ. Начальниками управляютъ подначальные. Пусть еще бы мушны, но тѣ, которымъ и учить, что говорю: учить, даже говорить въ Церкви блаж. Павелъ запретилъ. Я слышалъ отъ одного челоуѣка, будто онѣ дошли до такой дерзости, что осмѣливаются дѣлать выговоры даже самимъ предстоятелямъ Церкви, и обращаются съ ними гораздо суровѣе, чѣмъ господа со своими слугами. Но да не подумаетъ кто-нибудь, что обвиненія мои относятся ко всѣмъ, приѣмлющимъ священство. Много осталось такихъ, которые избѣгли сѣтей сихъ, и такихъ гораздо болѣе, нежели сколько уловленныхъ“. Но если столь пагубныя слѣдствія пронстекаютъ отъ того, что многіе изъ непризванныхъ домогаются духовнаго начальствованія, которое по прямому и необходимому праву принадлежитъ только пастырямъ Церкви; то съ другой стороны не меньшій вредъ образуется и тогда, когда пасомые, хотя не ищутъ сами властительства въ Церкви, однакоже не принимаютъ и законныхъ правителей ея. „Хотя безначаліе, замѣчаетъ св. Златоустъ, есть великое зло и поводъ къ разрушенію, но не меньшее зло и въ томъ, когда подчиненные не повинуются начальникамъ“, въ Церкви поставленнымъ. Зло это столь велико, что Цесаря поставилъ его въ числѣ наказаній, которыми древле угрожалъ Богъ людямъ нечестивымъ: „будутъ, говоритъ онъ, *людіе, аки жрецъ, и рабъ, аки господинъ, и рыба, аки госпожа; будетъ купуай, яко продай, и взаимъ емляй, аки заимодавецъ*“. И далѣе показываетъ плоды такого необузданнаго своеволия: „се Господь разсыплетъ вселенную и опустошитъ ю“. Въ нравственномъ мірѣ это непреложная истина, что зло наказываетъ само себя тѣмъ вредомъ, какой оно производитъ. Но если какой видъ зла особенно жестокъ къ себѣ самому, то, конечно, болѣе всѣхъ—духъ неповиновенія духовному властительству. Ибо онъ потрясаетъ самыя основанія церковнаго порядка и мира, и потому влечетъ къ разрушенію все, что обязано своимъ существованіемъ Бого-

учрежденному порядку. Какъ Богъ порядка первоначально, Своею зиждительною силою, все хаотическое привелъ въ стройность и благолѣпное разнообразіе: такъ нынѣ духъ безпорядка и своеволія все виѣшнее устройство Церкви, своею разрушительною силою, легко можетъ привести въ самое безобразное смѣшеніе. Точно въ такомъ видѣ св. Григорій Богословъ представляетъ безпорядки, волновавшіе Церковь въ его время. „Все стало нынѣ, какъ въ началѣ, когда еще не было ни міра, ни теперешняго благоустройства и благообразія, а напротивъ того всѣ вещи, будучи слиты и въ безпорядкѣ, имѣли еще нужду въ образующей десницѣ и силѣ. А если угодно другое сравненіе: то какъ во время ночной битвы, при тускломъ свѣтѣ луны, не различая въ лицо враговъ и своихъ, или какъ въ морекомъ сраженіи и во время бури оглушаемые порывами вѣтровъ, кипѣніемъ моря, напоромъ волнъ, столкновеніемъ кораблей, ударами весель, криками начальниковъ, столами пораженныхъ, въ недоумѣніи, не имѣя времени собраться съ мужествомъ, мы (къ довершенію бѣдствія) нападаемъ другъ на друга и другъ отъ друга гибнемъ. Нельзя сказать, чтобы одинъ простой народъ былъ таковъ, а сильные, какъ говорится, въ народѣ и начальники были шпакovy. Напротивъ они-то и ведутъ открытую войну съ священниками, въ предлогъ къ убѣжденію обращая благочестіе“. Чтобы избѣжать подобныхъ пагубныхъ послѣдствій, остается одно средство: нужно признать необходимость начальствованія духовнаго и безприкословно повиноваться ему. Послушаемъ ¹⁾, какъ глубокомысленный архипастырь нашъ раскрываетъ необходимость почитать и чтить въ пастыряхъ Церкви начальниковъ и руководителей души. „Хотя истина и добродѣтель доступны всѣмъ, однако никакъ не излишни, а часто необходимы особые учителя по роду знанія, особые руководители по роду подвиговъ. Такъ для духовнаго послушанія, поколику внутренно чувствуешь особенную нужду, избери себѣ особеннаго наставника, свѣдующаго и опытнаго въ сей наукѣ, благословеннаго на сіе служеніе, котораго слово сильно жизнію, свѣтло молитвою, охранено отъ заблужденія смиреніемъ. Покори ему свою волю ради Бога: и воля Бога

¹⁾ Соч. Филарета Московскаго, 1, 419. 420.

небснаго сойдегь къ тебѣ на землю, и твое простое земное послушаніе будетъ достигать до неба, по реченному къ истиннымъ и законнымъ паставникамъ отъ Дающаго пастырей и учителей: слушающіи васъ, Мене слушаетъ“.

Итакъ необходимость пастырей Церкви глубоко основывается на самой сущности возлагаемыхъ на нихъ обязанностей.

Сергій, Митрополитъ Московскій.
